

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

4
2019

VESTNIK RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»
RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series
Academic Journal
Quarterly issues.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific magazines journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.00 History and archeology:

07.00.02 Russian history

07.00.03 World history

07.03.09 Historiography, source study and methods of historical research

07.00.15 History of international relations and foreign policy

23.00.00 Political studies:

23.00.01 Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

23.00.02 Political institutions, processes and technologies

23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development

23.00.05 Political regionalism. Ethnopolitics

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN “Political Science. History. International Relations” Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media. 25.05.2015, reg. No. FS77-61886

Editorial staff office: 6, Miusskay, 125993

e-mail: anton.panov.fmoizr@gmail.com

zhuravlevavic@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.00 История и археология:

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

23.00.00 Политология:

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 07.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 03 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

электронный адрес: anton.panov.fmoizr@gmail.com

zhuravlevavic@mail.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

- A.P. Logunov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

- V.I. Zhuravleva*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)
N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)
N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Sciences), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
A. Filler, Ph. D, associate professor, University Paris VIII (France)
D. Foglesong, Ph.D., professor, Rutgers University (USA)
M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Sciences), Cand. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
A.V. Gushchin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
I. Klyukanov, Ph.D, professor of Communication, eastern Washington University (USA)
M. Kramer, Ph.D., professor, Harvard University (USA)
E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz-Vienna (Austria)
E.Yu. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation

- B. Shtettsel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz-Vienna (Austria), vice-president of Austrian Commission, UNESCO, Vienna (Austria)
- A.D. Voskressenskii*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, PhD (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation
- A.L. Iurganov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.B. Antonova*, Cand. of Sci. (Pedagogy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- A.A. Novikova*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- A.S. Panov*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

Executive editors:

E.A. Alekseeva

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

A.S. Panov (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.П. Логунов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(*заместитель главного редактора*)

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Ph.D. (Манчестерский университет), Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет (США)

М. Крэмер, Ph.D., профессор, Гарвардский университет (США)

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П. Руггенталер, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац-Вена (Австрия)

- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D, доцент, Университет Париж VIII (Франция)
- Д. Фоглесонг*, Ph.D., профессор, Университет Ратгерс (США)
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана (Грац; Вена), вице-президент Австрийской комиссии ЮНЕСКО, Вена (Австрия)
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация.
- И.Б. Антонова*, кандидат педагогических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)
- А.А. Новикова*, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- А.С. Панов*, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Ответственные за выпуск:

Е.А. Алексеева

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

А.С. Панов (РГГУ)

CONTENTS

International relations: history, theory and sociocultural practice

- Victoria A. Avanskaya*
The history of the Cold War as a history of emotions:
A nuclear arms race case 10
- Victor V. Mironov*
“Old-new Cold War” in interpretation of the English school
of international relations 23
- The “New Cold War” as a concept and as a reality. Round table 37

Countries and regions of the world: development dynamics and models of cooperation

- Anton S. Panov, Sarah Lindemann-Komarova, Viktor N. Alekseev
Viktor V. Sidnev, Robert H. McDonald*
People-to-people diplomacy and the end of the Cold War 60
- Erik Alfred Olsen*
The Trump – Nixon connection: An exercise in historical memory 78

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

- Vladimir F. Pryakhin*
Building a sustainable world order after the Cold War.
The ideological foundations 90
- Marina B. Bulanova*
Power and morality: Lessons of P. Sorokin for the present 102

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения: история, теория, социокультурная практика

В.А. Аванская

История «холодной войны» как история эмоций:
на примере гонки ядерных вооружений 10

В.В. Миронов

«Старая-новая холодная война» в интерпретации
Английской школы международных отношений 23

Круглый стол «Новая холодная война» как концепт и реальность 37

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

А.С. Панов, С. Линдемманн-Комарова, В.Н. Алексеев

В.В. Сиднев, Р.Х. Макдональд

Роль народной дипломатии в окончании холодной войны 60

Erik Alfred Olsen

The Trump – Nixon connection: An exercise in historical memory
[Трамп и Никсон: опыт исследования исторической памяти] 78

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

В.Ф. Пряхин

Мировоззренческие основы построения устойчивого миропорядка
после холодной войны 90

М.Б. Буланова

Власть и нравственность. «Кто будет сторожить сторожей?» –
уроки П. Сорокина для современности 102

Международные отношения: история, теория, социокультурная практика

УДК 327.54

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-10-22

История холодной войны как история эмоций: на примере гонки ядерных вооружений

Виктория А. Аванская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, viktysa@mail.ru*

Аннотация. В последние 20 лет началось систематическое изучение эмоций в различных областях знаний, в том числе в международных отношениях. Это привело к развитию новой методологии изучения эмоций, а также к росту количества работ, в которых эта методология используется.

В статье намечаются перспективы применения методологии изучения эмоций в международных отношениях на примере гонки ядерных вооружений. Она была важным фактором холодной войны и провоцировала разнообразные эмоции у всех ее участников: страх, тревогу, гнев, надежду. Избранная методология позволяет уточнить и углубить знания о происходивших в тот период политических и социальных процессах, таких как формирование идентичности, восприятие друг друга, ведение публичной политики и принятие политических решений.

Ключевые слова: холодная война, гонка ядерных вооружений, социальные эмоции, групповые эмоции, международные отношения

Для цитирования: Аванская В.А. История холодной войны как история эмоций: на примере гонки ядерных вооружений // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 4. С. 10–22. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-10-22

The history of the Cold War as a history of emotions: A nuclear arms race case

Victoria A. Avanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
viktysa@mail.ru*

Abstract. In the past 20 years, a systematic study of emotions has begun in various fields of knowledge, including international relations. This led to the development of a new methodology for studying emotions, as well as to an increase in the number of works in which this methodology is being used.

The article outlines the prospects of applying the methodology for the study of emotions in international relations on the example of a nuclear arms race. It was an important factor in the Cold War and provoked a variety of emotions among all its participants: fear, anxiety, anger, hope. The chosen methodology allows us to clarify and deepen knowledge about political and social processes that took place at that time, such as the formation of identity, the perception of each other, the conduct of public politics and political decision-making.

Keywords: cold war, nuclear arms race, social emotions, group emotions, international relations

For citation: Avanskaya, V.A. (2019), "The history of the Cold War as a history of emotions: A nuclear arms race case". *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 10-22. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-10-22

История холодной войны активно и всесторонне изучается в нашей стране и за ее пределами. Исследования различных авторов, опубликованные и архивные источники позволяют обратить внимание на присущие тому времени напряженность, страх, гнев, надежду. Это неудивительно, ведь военно-политическое противостояние двух блоков в той или иной степени затрагивало весь мир, а гонка вооружений достигла беспрецедентного масштаба.

Самым опасным и пугающим аспектом этой гонки стало стремление ее участников к наращиванию ядерного потенциала. Его применение в одном из конфликтов могло привести к началу ядерной войны, последствия которой отразились бы на всем мире. Взаимные угрозы использования ядерного оружия стали частью дипломатических отношений и были как продуктом холодной войны, так и фактором высокого напряжения тех лет [Holloway 2010, p. 396].

Эмоции, порожденные гонкой ядерных вооружений, достойны того, чтобы стать объектом изучения как отдельный фактор холодной войны. Это поможет не только расширить наши представления о ее истории, но и глубже исследовать сами эмоции.

В последние годы в западной историографии появилось немало работ, посвященных проблемам ядерных испытаний и гонки ядерных вооружений [Weart 2012, Spencer 2014, Burns, Siracusa 2013, Leffler, Westad 2010]. В них исследуется влияние общественного мнения, антиядерных движений и движений за мир на государственную политику в ядерной сфере, а также уделяется особое внимание атомному веку как социально-культурному феномену с присущим ему страхом перед ядерной войной и ее последствиями.

Одной из важных тенденций последнего времени является использование в научных исследованиях методологии изучения эмоций. За последние 15 лет эмоции стали воспринимать как важную, а подчас и ключевую силу в мировой политике [Hutchison 2014]. У эмоций есть способность объединять и разобщать как общество в целом, так и отдельные социальные группы, формировать идентичность и поведение, в том числе политическое. Их изучение открывает возможности для понимания причин возникновения антиядерных движений с учетом страхов и надежд людей, живущих в атомном веке, для постижения механизмов формирования идентичностей в ядерный век и роли эмоций в публичной политике.

Так, Джонатан Мерсер в одной из своих работ [Mercer 2013], рассматривая Корейскую войну 1950–1953 гг., обращает внимание на два свойства эмоций: они могут влиять на интерпретацию свидетельств и выступать в качестве самостоятельного доказательства. Как подчеркивает Мерсер, Трумэн «знал», что Сталин считает его нерешительным, Ачесон¹ «знал», что американские союзники паниковали, американские лидеры «знали», что должны продвигаться за 38-ю параллель для разрушения репутации нерешительности. Их чувства сами оказывались достаточно сильным доказательством правдивости этих суждений, так что они не попытались подвергнуть их сомнению [Mercer 2013, pp. 246–247].

При изучении союзнических отношений США и Великобритании Люсиль Эznak в качестве одного из примеров рассматривает Суэцкий кризис 1956–1957 гг., во время которого возник также кризис между этими англосаксонскими странами [Eznack 2011].

¹ Дин Ачесон – Государственный секретарь США в период с 21 января 1949 г. по 20 января 1953 г.

Эзнак обращает внимание на фактор аффекта² в отношениях политических союзников. Наличие аффективной привязанности и особенности их отношений объясняют происходящие между ними конфликты, а их эмоциональная природа демонстрирует то, что они воспринимают эти отношения как ценные. Несмотря на то что союз Соединенных Штатов и Великобритании был очень важен в период холодной войны, они не соблюдали осторожность и позволили разразиться кризису. Если бы угроза разрыва не вызвала сильную эмоциональную реакцию, это могло служить симптомом ослабления их связей.

По мнению Эзнак, изучаемый ею аффект в отношениях союзников не был единственной причиной их разногласий и последующего восстановления отношений, но, взяв его в расчет, можно лучше понять поведение обеих стран во время Суэцкого кризиса. Таким образом, Эзнак, как и многие другие исследователи, считает, что изучение эмоций в международных отношениях способно обогатить знания в этой области и улучшить понимание многих связанных с ними процессов. Также и изучение холодной войны и, в частности, ядерной гонки может стать более глубоким с помощью привнесения методологии изучения эмоций. В следующей части статьи будут приведены примеры подобной методологии.

Изучение истории эмоций как особого проблемного поля стало активно развиваться на рубеже XX и XXI вв. [Воробьева 2015] благодаря усилиям социальных конструктивистов. В рамках этого направления эмоции позиционировались как сконструированные социальные отношения, которые можно исследовать с помощью средств их выражения [Аванская 2018, с. 45], причем речь шла не только об индивидуальных, но и о групповых эмоциях.

Для начала необходимо объяснить разницу между чувствами и эмоциями, а затем вписать последние в изучение международных отношений. Для нейробиолога Антонио Дамасио чувства – это физиологическое воплощение эмоциональных изменений, такое, как учащенное сердцебиение, сопровождающее страх [Damasio 2000]. Чувства возникают автоматически и почти бессознательно, в отличие от эмоции страха, которая появляется после того, как мы осознаем произошедшие с нами физические изменения. Джонатан Мерсер отталкивается от определений Дамасио, но на-

² Аффект в данном случае является феноменом, лежащим за пределами сознания. Он представляет собой совокупность бессознательных ощущений, которые не подлежат репрезентации на сознательном уровне, иначе они превратились бы в эмоции.

зывает эмоции субъективным опытом размытых физиологических изменений, а чувства – осознанной осведомленностью о том, что ты испытываешь эмоции [Mercer 2014]. Из-за условности границы между чувствами и эмоциями Мерсер считает необходимым ввести еще одно понятие – «социальные эмоции».

В широком смысле все эмоции можно назвать социальными, так как культура неизбежно влияет на то, как мы понимаем и выражаем эмоции. В более узком смысле социальными Мерсер называет те эмоции, которые имеют связь с важным для актора внешним объектом.

Индивидуальные и групповые эмоции в понимании Мерсера могут ощущаться одинаково, но основа у них разная. Он разделяет эти два вида эмоций с помощью идентичности, которая возникает благодаря чувству принадлежности: беспокойство за свой статус затрагивает личную идентичность, а беспокойство за статус своей страны – групповую идентичность. Групповая идентичность, в свою очередь, формируется благодаря общей культуре, заинтересованности друг в друге, заразительности эмоций, а также событиям, которые способны оказать влияние на группу, вызывая у нее общую реакцию.

Для Мерсера важно показать независимость социальных эмоций от тела и, следовательно, невозможность свести эмоции только к нему. Вместо тела в возникновении эмоций большую роль играет идентичность, благодаря которой групповые эмоции могут отличаться от индивидуального эмоционального опыта и быть сильнее его. Члены группы разделяют, подтверждают и контролируют эмоции друг друга, а эти чувства, в свою очередь, структурируют отношения внутри и между группами [Mercer 2014].

По мнению других ученых, эмоции всегда ощущаются только индивидами, но индивидуальные эмоции могут охватить группу двумя способами: группа становится частью индивида, который начинает реагировать не как отдельная личность, а как член группы; или отдельные члены группы начинают испытывать одни и те же эмоции по отношению к какому-либо событию или объекту, из-за чего можно говорить о появлении групповой эмоции [Sasley 2011, Von Scheve, Ismer 2013].

В контексте изучения холодной войны и ядерной гонки такой подход ставит ряд интересных проблем. Американец, отталкиваясь от восприятия советского враждебного «другого», видит себя частью Соединенных Штатов, которым угрожает государство, наращивающее свой военный потенциал. За счет идеологического и военно-политического факторов эта идентичность расширяется до

всего «свободного мира» – группы либерально-демократических государств, которым угрожает другая группа государств.

Но способен ли страх перед ядерной войной породить новую сильную идентичность – ощущение принадлежности ко всему человеческому роду, которому грозит гибель? Эта идентичность может не знать военно-политических блоков. Известным примером служит фильм «На берегу», который обращается ко всему человечеству: «Есть еще время, братья!» Можно ли сказать, что основой этой коллективной идентичности становятся именно групповые эмоции, и прежде всего страх перед ядерной войной? Этот вопрос требует тщательного изучения.

Существует и иное мнение о сути эмоций в международных отношениях. Тодд Холл и Эндрю Росс хоть и допускают возможность разделяемого аффективного (эмоционального) опыта, в целом скептически относятся к желанию приписать отдельные эмоции сообществам и вообще группам. По мнению авторов, популярные эмоции (групповые) являются продуктом дискурсов, которые конструируют единую эмоцию из множества и навязывают ей политические или идеологические суждения.

Для определения того, что из себя представляют популярные эмоции, Холл и Росс используют еще одно понятие – аффективный опыт. Аффективный опыт – это нечто, что охватывает различные телесные состояния и реакции, он не может быть однородным, он всегда многогранен и изменчив. Эмоции же являются лингвистическими конструктами, используемыми для упрощения реальности и сведения ее к узнаваемым состояниям и реакциям. Таким образом, существует небольшая вероятность того, что аффективное состояние, являясь сложным и изменчивым набором телесных состояний, может распространиться на целую группу индивидов [Hall, Ross 2019]. В свою очередь, групповые (или популярные) эмоции представляют собой возможность предъявить претензии на ценности и желания коллектива. Конструирование популярных эмоций помогает выбирать среди аффективных опытов нужные таким образом, чтобы они помогали в продвижении идей о том, кто должен выражать эмоции, какие эмоции, когда и почему [Hall, Ross 2019, p. 15].

В рамках обозначенного подхода представляется интересным изучение использования в речах политиков и прессе эмоций и реакции на них общества. Задействуются ли в этих источниках определенные эмоции, которые выгодны с идеологической и политической точки зрения? Вызывает ли это обратную или просто неожиданную реакцию хотя бы у части граждан? К примеру, в случае

использования гнева и страха перед угрозой Советского Союза и ядерной войны для мобилизации общества.

Работа Холла и Росса не единственный случай использования термина «аффект» или «аффективный опыт» в международных отношениях. Их также употребляют Сасли, [Sasley 2011], Эзнак [Eznack 2011] и Холмс [Holmes 2018]. У них отличие аффекта от эмоций состоит в том, что эмоции часто являются осознанными ощущениями, которым присуще социальное значение и политические последствия, а аффект существует до и за пределами сознания, он является широким спектром телесных ощущений, таких как настроение, интуиция, привязанность [Hutchison, Bleiker 2014, p. 502].

Еще одним термином, недавно введенным в область изучения эмоций в международных отношениях, стала эмоциональная культура. Это комплекс стандартизированных эмоциональных определений, норм и убеждений, которые помогают в культурном конструировании структуры власти, общества и идентичности. Эмоциональная культура позволяет «правильно» интерпретировать эмоциональные репрезентации среди членов отдельных групп, вводя, таким образом, социокультурные стандарты в эмоциональную жизнь членов группы.

Эмоциональная культура состоит из кодов – стандартов эмоционального поведения – и культурных сценариев – устных и визуальных репрезентаций эмоциональных кодов. Коды устанавливают правила эмоционального выражения, тем самым закрепляя воспроизведение коллективной идентичности и структуру распределения власти в группе. Таким образом, эмоциональные коды предоставляют возможность изучения культурной структуры, которая связывает индивидов с социальным миром. Эмоциональная культура с характерными для нее кодами может стать объектом самостоятельного изучения, когда речь идет об отличающихся культурах, таких как советская и американская, или об одной культуре в динамике [Koschut 2016].

Изучение эмоций может происходить через исследование их репрезентаций и того, как эти репрезентации передаются. Репрезентации, или презентационные практики – это механизм, с помощью которого индивидуальные эмоции превращаются в коллективные, после чего получают возможность влиять на социальные и политические процессы [Hutchison, Bleiker 2017]. Репрезентационные практики как индивидов, так и медиа имеют смысл и приобретают значение только внутри общества, в котором они были сконструированы. Сами репрезентации принимают форму речей, текста,

фотографий, фильмов, жестов, а изучать их можно с помощью дискурс-анализа и контент-анализа, а также семиотики [Hutchison 2010].

В работе с репрезентациями всегда присутствует элемент интерпретации, презентовать эмоции полностью достоверно невозможно, но можно уловить эмоциональные ответы на них. Фокусируясь на восприятии как на аналоге лично пережитого опыта, можно попытаться понять, как эмоции преодолевают ограничения тела и переходят в область публичного и политического измерения [Hutchison 2014].

В этом смысле представляет интерес изучение эмоций протеста, которое позволит обогатить и расширить наше понимание протестных движений, участники которых стремились добиться ограничения или прекращения ядерных испытаний, а также степень их влияния на процесс принятия политических решений.

Проведенные исследования продемонстрировали, что позитивное настроение заставляет людей быть более эффективными, оптимистически настроенными и демонстрировать интуитивное понимание. Негативное настроение, напротив, обуславливает более серьезное восприятие рисков, связано с пессимизмом и логическим рассуждением. Таким образом, эмоциональное состояние общества может запускать разное восприятие рисков, познавательные стили и эмоции. Это предполагает, что настроение общества может влиять на требования общественных движений, постановку проблем, испытываемые эмоции, причины участия в социальных движениях [Van Troost, Van Stekelenburg, Klandermans 2013].

Эмоции пропитывают протест на всех его стадиях: присоединение к протесту, постоянное участие, решение покинуть протестное движение. Можно исследовать мотивационную силу эмоций на разных этапах «карьеры» активиста. Люди проходят путь от равнодушия к сочувствию, от сочувствия к членству в движении, от пассивного к активному участию, от принадлежности к движению до ухода из него. Можно предположить, что в ходе протестных движений разные эмоции приводят к переходу от одной стадии к другой, и рассмотреть этот процесс в динамике [Van Troost, Van Stekelenburg, Klandermans 2013, p. 13].

Помимо этого, существуют исследования речей политических лидеров и лидеров протестных групп [Van Stekelenburg 2017, Matsumoto, Frank, Hwang 2015, Erisen, Villalobos 2016], в которых изучается использование эмоций, способных вызвать ответные групповые эмоции или подтолкнуть членов группы к насилию, а также, наоборот, сдерживать их от его проявлений. Сильные лидеры

способны задать настроение группы или государства-группы для интерпретации или реинтерпретации каких-либо событий, что затем ведет к формированию групповых эмоций. Лидеры делают это посредством создания историй, основанных на оценке или переоценке ключевых для группы событий или ситуаций и трансляции эмоций, связанных у членов группы с этим событием. Трансляция происходит с помощью эмоционально заряженных слов, метафор, изображений, аналогий, мимики, голоса и жестов [Matsumoto, Frank, Hwang 2015].

Этот аспект изучения холодной войны и гонки вооружения также крайне важен. Он связан с поиском ответа на вопросы: какие эмоции хотят вызвать у слушающих лидеры, к каким эмоциям они призывают?

Речи являются важной частью американской политической культуры. К примеру, внешнеполитические доктрины США эпохи холодной войны, такие как доктрины Трумэна или Эйзенхауэра, часто презентовались в эмоциональных речах президентов перед Конгрессом.

Выше мы говорили о том, что Мерсер выделяет два свойства эмоций: они, с одной стороны, помогают усваивать опыт, а с другой – могут служить доказательством, основанием для тех или иных действий. Анализ выступлений политиков с этой точки зрения также представляется интересным.

Например, как Суэцкий кризис был эмоционально осмыслен в речи Эйзенхауэра перед Конгрессом 15 января 1957 г. (принципы, изложенные в этой речи, получили название «доктрина Эйзенхауэра»)? Какие эмоции хотел мобилизовать президент? Использовал ли он групповые эмоции как доказательство, как основание для дальнейших действий? Или же насколько различается эмоциональное осмысление событий Карибского кризиса президентом Кеннеди в знаменитом телевизионном послании от 22 октября 1962 г. и его речи в Американском университете спустя 8 месяцев, в июне 1963 г.?

Эти речи хорошо известны и не раз становились предметом анализа. Однако представляется, что исследование использованных в них эмоций и их сравнение с эмоциями в прессе и разных группах социума может углубить наши представления об отношениях внутри общества эпохи ядерной гонки.

Изучение либеральных эмоций, т. е. сконструированных государствами, считающими себя носителями либеральных идей, также может способствовать лучшему пониманию противостояния военно-политических блоков в рассматриваемый период.

Либеральные демократии сближает не только схожая мораль, но и общие эмоциональные нормы, что, в свою очередь, способствует конструированию нелиберального «другого» и накоплению враждебного отношения и антипатии между сконструированными либеральными и нелиберальными государствами. Это приводит к отрицанию чуждых моральных норм, которое базируется не только на рациональном мышлении, но и на сконструированных эмоциях по отношению друг к другу [Koschut 2018].

В результате «другой» «обесчеловечивается», по отношению к нему легче испытывать сильные негативные эмоции. Однако такое видение противоречит гипотезе об «общечеловеческой идентичности», которая предполагает сближение с «другим» на фоне страха перед ядерной войной, последствия которой не пощадят никого. В данном случае можно было бы попытаться найти возможный переход от негативного восприятия нелиберального «другого» к общей идентичности, отталкивающейся от объединяющего страха перед ядерной войной.

Таким образом, мы видим, что исследователи международных отношений уже стали использовать холодную войну в качестве примера применения методологии изучения эмоций. Однако, как было показано выше, эти методы можно распространить и на исследования ядерной гонки, которая из-за своей специфики была наполнена эмоциями, охватывающими людей во всем мире.

Литература

- Аванская 2018 – *Аванская В.А.* Методология изучения эмоций в международных отношениях // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3. С. 43–60.
- Воробьева 2015 – *Воробьева О.В.* «Индустрия эмоций»: институциональные и интеллектуальные ресурсы истории эмоций [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. № 9 (42). URL: <http://history.jes.su/s207987840001247-0-1> (дата обращения: 6 нояб. 2018).
- Burns, Siracusa 2014 – *Burns R.D., Siracusa J.M.* A global history of the nuclear arms race. Weapons, strategy and politics. Santa Barbara: ABC-CLIO. 640 p.
- Damasio 2000 – *Damasio A.* The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness. London: Vintage, 2000. 400 p.
- Erisen, Villalobos 2014 – *Erisen C., Villalobos J.* Exploring the invocation of emotion in presidential speeches // Contemporary Politics. 2014. No. 4. P. 469–488.
- Eznack 2011 – *Eznack L.* Crises as signals of strength: The significance of affect in close allies' relationships // Security Studies. 2011. No. 2. P. 238–265.

- Hall, Ross 2019 – *Hall T.H., Ross A.A.G.* Rethinking affective experience and popular emotion: World War I and the construction of group emotion in international relations [Электронный ресурс] // *Political Psychology*. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/rops.12608> (дата обращения: 2 авг. 2019).
- Holloway 2010 – *Holloway D.* Nuclear weapons and the escalation of the Cold War, 1945–1962 / Ed. by M. Leffler, O. Westad. *The Cambridge History of the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 376–397.
- Holmes 2018 – *Holmes M.* Face-to-face diplomacy: Social neuroscience and international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 317 p.
- Hutchison 2010 – *Hutchison E.* Trauma and the politics of emotions: Constituting identity, security and community after the Bali bombing // *International Relations*. 2010. No. 2. P. 65–86.
- Hutchison, Bleiker 2014 – *Hutchison E., Bleiker R.* Theorizing emotions in world politics // *International Theory*. 2014. No. 3. P. 491–514.
- Hutchison, Bleiker 2017 – *Hutchison E., Bleiker R.* Emotions, discourse and power in world politics // *International Studies Review*. 2017. No. 19. P. 501–508.
- Koschut 2016 – *Koschut S.* The structure of feeling – emotion culture and national self-sacrifice in world politics. *Millennium // Journal of International Studies*. 2016. No. 2. P. 174–192.
- Koschut 2018 – *Koschut S.* The power of (emotion) words: On the importance of emotions for social constructivist discourse analysis in IR // *Journal of International Relations and Development*. 2018. No. 21. P. 495–522.
- Leffler, Westad 2010 – *The Cambridge history of the Cold War* / Ed. by M. Leffler, O. Westad. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010. 552 p.
- Matsumoto, Frank, Hwang 2015 – *Matsumoto D., Frank M.G., Hwang H.C.* The role of intergroup emotions in political violence // *Current Directions in Psychological Science*. 2015. No. 5. P. 369–373.
- Mercer 2013 – *Mercer J.* Emotion and strategy in the Korean War // *International Organization*. 2013. No. 2. P. 221–252.
- Mercer 2014 – *Mercer J.* Feeling like a state: Social emotion and identity // *International Theory*. 2014. No. 3. P. 515–535.
- Sasley 2011 – *Sasley B.* Theorizing states' emotions // *International Studies Review*. 2011. No. 3. P. 452–476.
- Spencer 2014 – *Spencer B.* From atomic shelters to arms control: Libraries, civil defense, and American militarism during the Cold War // *Information & Culture: A Journal of History*. 2014. No. 49. P. 351–385.
- Van Stekelenburg 2017 – *Van Stekelenburg J.* Radicalization and violent emotions // *PS: Political Science & Politics*. 2017. No. 4. P. 936–939.
- Van Troost, Van Stekelenburg, Klandermans 2013 – *Van Troost D., Van Stekelenburg J., Klandermans B.* “Emotions of protest” // *Emotions in politics: The affect dimension in political tension* / Ed. by N. Demertzis. New York: Palgrave Macmillan Publishers, 2013. P. 186–203.

- Von Scheve, Ismer 2013 – *Von Scheve Ch., Ismer S. Towards a theory of collective emotions // Emotion Review. 2013. Vol. 5. No. 4. P. 406–413.*
- Weart 2012 – *Weart S. The rise of nuclear fear. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 2012. 367 p.*

References

- Avanskaya, V.A. (2018), “Methodology for studying emotions in international relations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 43–60.
- Burns, R.D. and Siracusa, J.M. (2013), *A global history of the nuclear arms race. Weapons, strategy and politics*, ABC-CLIO, Santa Barbara, USA.
- Damasio, A. (2000), *The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness*, Vintage, London, UK.
- Erisen, C. and Villalobos, J. (2014), “Exploring the invocation of emotion in presidential speeches”, *Contemporary Politics*, vol. 20, pp. 469–488.
- Eznack, L. (2011), “Crises as signals of strength: The significance of affect in close allies’ relationships”, *Security Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 238–265.
- Hall, H.T. and Ross, A.A.G. (2019), “Rethinking affective experience and popular emotion: World War I and the construction of group emotion in international relations”, *Political Psychology*, [Online], available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/pops.12608> (Accessed 2 Aug 2019).
- Holloway, D. (2010), “Nuclear weapons and the escalation of the Cold War, 1945–1962”, in: Leffler, M. and Westad, O. (eds.), *The Cambridge history of the Cold War*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 376–397.
- Holmes, M. (2018), *Face-to-face diplomacy: Social neuroscience and international relations*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Hutchison, E. (2010), “Trauma and the politics of emotions: Constituting identity, security and community after the Bali bombing”, *International Relations*, vol. 24, no. 2, pp. 65–86.
- Hutchison, E. and Bleiker, R. (2017), “Emotions, discourse and power in world politics”, *International Studies Review*, no. 19, p. 501–508.
- Hutchison, E., and Bleiker, R. (2014), “Theorizing emotions in world politics”, *International Theory*, vol. 6, no. 3, pp. 491–514.
- Koschut, S. (2016), “The structure of feeling – emotion culture and national self-sacrifice in world politics”, *Millennium – Journal of International Studies*, vol. 45, no. 2, pp. 174–192.
- Koschut, S. (2018), “The power of (emotion) words: On the importance of emotions for social constructivist discourse analysis in IR”, *Journal of International Relations and Development*, vol. 21, pp. 495–522.
- Leffler, M., and Westad, O. (eds.) (2010), *The Cambridge history of the Cold War*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

- Matsumoto, D., Frank, M.G. and Hwang, H.C. (2015), "The role of intergroup emotions in political violence", *Current Directions in Psychological Science*, vol. 24, no. 5, pp. 369–373.
- Mercer, J. (2013), "Emotion and strategy in the Korean War", *International Organization*, vol. 67, no. 2, pp. 221–252.
- Mercer, J. (2014), "Feeling like a state: Social emotion and identity", *International Theory*, vol. 6, no. 3, pp. 515–535.
- Sasley, B. (2011), "Theorizing states' emotions", *International Studies Review*, vol. 13, no. 3, pp. 452–476.
- Spencer, B. (2014), "From atomic shelters to arms control: Libraries, civil defense, and American militarism during the Cold War", *Information & Culture: A Journal of History*, vol. 49, pp. 351–385.
- Van Stekelenburg, J. (2017), "Radicalization and violent emotions", *PS: Political Science & Politics*, vol. 50, no. 4, pp. 936–939.
- Van Troost, D., Van Stekelenburg, J. and Klandermans, B. (2013), "Emotions of protest", in: Demertzis, N. (ed.), *Emotions in politics: The affect dimension in political tension*, Palgrave Macmillan Publishers, New York, NY, pp. 186–203.
- Von Scheve, Ch. and Ismer, S. (2013), "Towards a theory of collective emotions", *Emotion Review*, vol. 5, no. 4, pp. 406–413.
- Vorob'eva, O.V. (2015), " 'Emotion industry': Institutional and intellectual resources of the history of emotions ", [Online], *Electronic scientific and educational journal "History"*, vol. 6, no. 9, available at: <http://history.jes.su/s207987840001247-0-1> (Accessed 6 Nov 2018).
- Weart, S. (2012), *The rise of nuclear fear*, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts; London, England.

Информация об авторе

Виктория А. Аванская, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; viktysa@mail.ru

Information about the author

Victoria A. Avanskaya, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; viktysa@mail.ru

«Старая-новая холодная война»
в интерпретации Английской школы
международных отношений

Виктор В. Миронов

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия, vvt_512@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена Английской школе международных отношений – автономному сообществу исследователей международной политики, преимущественно работающих в Великобритании. Историки Г. Баттерфильд, М. Уайт, А. Уотсон, М. Ховард, философы Д. МакКиннон и Х. Булл приняли активное участие в создании этой школы, сформировавшейся в конце 1950-х – 1970-х гг. Понятие «международное общество» стало ее символом благодаря работам Х. Булла в 1970–1980-х гг. Сегодня Б. Бузан, К. Навари, Р. Джексон и другие исследователи продолжают работу школы. Ключевыми факторами окончания холодной войны ее представители считают становление глобального международного общества, изменение институциональной структуры современного мира и процесс формирования мирового общества. Кроме того, особое внимание уделяется вопросам справедливости в международных отношениях в 1970–1980-х гг. Все эти аспекты демонстрируют специфику подхода школы к изучению окончания «старой холодной войны». Современный этап противостояния России и Запада объясняется разнородностью международного общества, отсутствием международной легитимности, эрозией базовых международных институтов. При этом понятие «новая холодная война» приобретает метафорический смысл.

Ключевые слова: Английская школа международных отношений, международное общество, холодная война

Для цитирования: Миронов В.В. «Старая-новая холодная война» в интерпретации Английской школы международных отношений // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 4. С. 23–36. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-23-36

“Old-new Cold War” in interpretation of the English school of international relations

Victor V. Mironov

*Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia,
vvm_512@rambler.ru*

Abstract. This article is devoted to English school of International relations – autonomous community of scientists of International policy, who work mainly in Great Britain. It formed in the end 1950–1970. Historians H. Butterfield, M. Wight, A. Watson, M. Howard, philosophers D. McKinnon and H. Bull took an active part in the creation of this community. Concept “International Society” become a symbol and different mark this scientific community thanks to the books by H. Bull in 1970–1980. B. Buzan, C. Navary, R. Jackson and others scientists continue work of the school now. Such objectives factors as the development of Global International Society, the change of institutional structure of the modern world and the formation process of the World Society explain the end of Cold War into the school. Besides, English school of International relations pays special attention to the problems of justice in international relations in 1970–1980. All this aspects are demonstrating the specific school’s approach to the study of end of “Old Cold War”. Modern period of confrontation between Russia and West explained in school through heterogeneity of modern International Society, absence of international legitimacy, erosion of basic institutes of International Society. However, concept “New Cold War” takes on metaphorical meaning.

Keywords: English School of International Relations, International Society, Cold War

For citation: Mironov, V.V. (2019), “ ‘Old-new Cold War’ in interpretation of the English school of international relations”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 23-36. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-23-36

Английская школа международных отношений начала формироваться на рубеже 1950–1960-х гг. Ее концептуальным стержнем со временем стала идея международного общества в качестве специфической основы изучения изначально европейской, а затем и глобальной международной политики. Контуры понимания международных отношений как особого вида социального пространства были заложены работами Ч. Мэннинга, Г. Баттерфильда,

М. Уайта, Х. Булла в 1960–1970-х гг. и получили свое развитие в конце XX – начале XXI в.

В силу специфического состава участников (историки, философы, дипломаты) и целей исследователей (выявление общих оснований изучения международной политики) предмет исследований в Английской школе складывался под сильным воздействием всеобщей истории и социологии политики. Показательно в этом отношении ставшее для школы классическим определение понятия «международное общество», данное Х. Буллом: «Общество государств (или международное общество) существует тогда, когда группа стран, осознавая определенную общность интересов и ценностей, формирует общество в том смысле, что они связывают себя сетью общих правил в своих отношениях друг с другом и разрабатывают совместные институты» [Bull 1977, p. 10].

Значение данного термина раскрывается в теоретическом смысле через соотношение международного общества с концептами мирового общества и системой государств (международной системой); в историческом измерении – через эмпирическое изучение специфических международных институтов. Для Х. Булла набор институтов международного общества включал баланс сил, международное право, войну, управление международными отношениями великих держав и дипломатию. Для современных представителей школы перечень и содержание международных институтов иные. Здесь есть и рынок, и права человека, и колониализм, и другие институты. При этом институциональный подход к международным отношениям выступает лишь частью более широкой нормативной повестки исследования международного социального пространства. Таким образом, в фокусе изучения международных отношений в школе находятся, скорее, нормы и процессы, отражающие функции международного общества, чем конкретные события. В силу этого еще в 1980–1990-х гг. ее сторонники высказали ряд оригинальных гипотез о причинах окончания холодной войны.

Первым важнейшим фактором ее завершения представители Английской школы считают формирование глобального международного общества. В этом смысле ключевым процессом второй половины XX в. выступала вовсе не холодная война как специфическая форма отношений между Востоком и Западом, а деколонизация как базовый макроисторический процесс, изменивший представление о структуре международного общества. Как пишет Р. Джексон, особенность современных международных отношений состоит в том, что это «первая попытка в мировой истории скон-

струировать общество государств, которое действует в соответствии с доктриной признания и невмешательства, связывающих различные цивилизации и культуры по всему миру» [Jackson 2000, p. 13]. Именно данный фактор способствовал трансформации биполярной структуры мира в конце XX в. Холодная война в этом смысле редуцировала неоднородную структуру международного общества до биполярного противостояния сверхдержав. Иначе говоря, если предшествующие международные системы были по преимуществу системами отношений небольшого количества европейских государств, то особенностью современного мира выступает система подлинно глобальная. В этом смысле «экспансия международного общества», как называлась одна из центральных коллективных монографий школы, достигла к концу XX в. своего предела.

При этом необходимо подчеркнуть, что английским международникам довольно трудно было смириться с историческим растворением некогда европейского международного общества в обществе глобальном. Тот же Р. Джексон еще в 1990 г. выпустил книгу с говорящим за себя названием «Квазигосударства», где писал об утрате новыми независимыми государствами традиционных ориентиров в международных отношениях [Jackson 1993]. Это проявлялось в трансформации представлений о роли суверенитета, в дефиците исторического и внешнеполитического опыта формулирования своих национальных интересов, в отсутствии стабильных правительств и экономической основы для проведения устойчивой внешней политики. Однако спустя десятилетие ученый все же пересматривает свои евроцентристские (западноцентристские) взгляды и пишет о возможности достижения глобального пакта – некоего стабильного нормативного диалога внутри сформировавшегося глобального международного общества [Jackson 2000, p. 16]. Таким образом, к концу XX в. возникает качественно иная модель мира, в рамках которой биполярная структура как специфическая форма отношений между Востоком и Западом исчерпала свои консолидирующие возможности.

Вторым важным фактором, изменившим характер международных отношений в конце XX в., с обобщенных позиций школы, выступает эрозия традиционных институтов международного взаимодействия. В связи с появлением оружия массового уничтожения баланс сил стал утрачивать свою центральную для истории международного общества роль. Уже Х. Булл в 1970-х гг. отмечал, что доктрина сдерживания представляла собой альтернативу балансу сил. В отличие от американских стратегических подходов,

делающих ставку на национальные интересы, Булл ради сохранения международного общества возлагал особые надежды на развитие международного публичного права. Правда, здесь он также отмечал ряд изменений, подрывающих основы данного института изнутри. Сегодня Р. Литтл считает баланс сил, скорее, метафорой научного и политического дискурса, чем действующим институтом международного общества [Little 2007].

Одновременно с балансом сил в XX в. ослабевает и механизм великодержавного управления международными отношениями. Для Х. Булла в условиях, когда международное право не было в состоянии поддерживать международный порядок, именно великодержавное управление сохраняло международное общество [Bull 1977, pp. 208–227]. Истоки подобных представлений Булла о роли великих держав – идеи М. Уайта 1940-х гг. [Wight 1949, pp. 24–26]. Еще один значимый для школы участник Ф. Нортейдж считал, что игнорирование интересов таких великих держав, как Германия и Япония, породило трагедии XX в. [Northedge 1976, pp. 64–66]. В целом институт великодержавного управления международными отношениями был обусловлен существованием их клуба. В 1980-х гг. А. Уотсон говорил о возможном упадке СССР и опасности разрушения международного общества, но вместе с тем признавал возможность подъема Японии и Китая [Watson 1992, p. 284]. В целом во второй половине XX в. великодержавность трансформировалась в сверхдержавность, что ослабило данный институт, а распад одной из сверхдержав ставил под вопрос сам факт его существования.

Х. Булл к числу институтов международного общества относил и войну, но только в тех случаях, когда она служила целям коллективного управления международными отношениями [Bull 1973, pp. 116–132]. Отметим, что включение войны в механизм управления международным обществом выглядит не беспроблемным с позиций ряда современных представителей школы. Запрет на применение силы в Уставе ООН фактически выводит данный механизм за пределы современного международного общества. Между тем М. Калдор пишет о продолжении эпохи традиционных войн в современных международных отношениях [Kaldor 1999, 2000].

В целом с позиций институционального измерения международных отношений окончание холодной войны было предопределено не столько ослаблением Советского Союза, сколько внутренними институциональными изменениями в международном обществе, что, свою очередь, предопределило структурную трансформацию биполярной системы. С этой точки зрения концепция

международного общества – разновидность системного подхода в теории международных отношений.

Третьим фактором завершения «старой холодной войны» выступило формирование элементов так называемого «мирового общества». «Мировое общество» – это один из трех ключевых компонентов концепции Английской школы наряду с терминами «система государств» и «международное общество». По существу, «мировое общество» представляет собой новый этап развития мира и подразумевает взаимодействие негосударственных участников международных отношений. Это понятие не тождественно транснациональному взгляду на международные отношения в американской и мировой науке. Английская школа до недавнего времени не занималась экономической повесткой изучения международных отношений, концентрируясь на военно-политическом сегменте международного взаимодействия. Поэтому деятельность транснациональных корпораций и банков (ТНК, ТНБ), интеграционные процессы мира оставались вне поля зрения данной научной школы. По преимуществу, по мнению ее представителей, мировое общество включает в себя нормы и ценности, привнесенные в международные отношения индивидами.

У М. Уайта, А. Уотсона, Х. Булла данное понятие оставалось на периферии исследовательского интереса [Vuzan 2004, pp. 156–160]. Оно служило олицетворением так называемой «кантианской традиции» осмысления международной политики. Если международное общество предполагает порядок в отношениях между государствами, то мировое общество – определенное согласие относительно порядка внутри государств. Поэтому мировое общество выражает космополитические нормы и ценности, которые будут влиять на международные отношения в будущем.

Главную роль среди этих норм и ценностей мирового общества в окончании холодной войны сыграла проблематика прав человека. В Английской школе данная тематическая линия была актуализирована в 1980-х гг. Дж. Винсентом, который первый заговорил о возникающем противоречии между расширяющимся перечнем прав человека в международном и внутригосударственном праве и институтом суверенитета [Vincent 1986]. При этом он справедливо отмечал неуниверсальность прав человека, поскольку они имеют определенную социокультурную и регионально-историческую специфику. Их номенклатура и содержание различаются от страны к стране, от общества к обществу. Но универсален суверенитет как институт международного общества. Проблема гуманитарной интервенции на рубеже XX–

XXI вв. продемонстрировала остроту данного вопроса и поместила проблематику прав человека в теоретическом поле, в котором необходим концептуальный консенсус участников международного общества.

В условиях холодной войны (как определенного исторического этапа существования специфического международного общества) его найти было невозможно, что создавало проблемы как для американской, так и для советской внешней политики. В современной теории Английской школы эта коллизия между правами человека и суверенитетом не преодолена. Так называемые плюралисты – сторонники дальнейшего развития международного общества – считают, что суверенитет должен оставаться приоритетным институтом международного общества ради сохранения международного порядка (Р. Джексон, Дж. Майал). Их оппоненты – солидаристы – делают акцент на развитии общества мирового и уделяют внимание правам человека как основе нового международного порядка. Представления периода холодной войны в него просто не вписывались. Показательны в этом отношении идеи «хорошего международного гражданства» Н. Уилера и Т. Дюна [Wheeler, Dunne 1998, pp. 847–870]. Эта позиция находит поддержку и в конструктивистских исследованиях по другую сторону Атлантики (Д. Донелли [Donnelly 1998, pp. 1–23], М. Финнемор [Finnemore 1996, pp. 153–185]).

Кроме того, по мнению адептов школы, к 1980-м гг. относится возникновение еще одного фактора прекращения холодной войны. Он интересен с точки зрения их внимания к этическому анализу нормативной повестки международных отношений. Это так называемый вопрос о справедливости международного общества. Уже Х. Булл в 1970-е гг. выделял пять источников протеста против сложившейся системы международных отношений. К их числу он относил требование экономической справедливости, основанной на Хартии 1974 г., антиколониальный протест, выраженный в идеях Движения неприсоединения, требование расового равенства, начало которому положила еще Русско-японская война, а также два источника заключительного периода холодной войны – борьбу за равный суверенитет и требование свободы в духовной сфере [Bull 1984, pp. 220–223]. Ученик Булла Джон Винсент расширил рамки анализа международного общества, которое перестало пониматься только как общество межгосударственное. Он писал в конце 1980-х гг., что современное для него международное общество остается традиционным, мало шансов на то, что оно радикально изменится в ближайшем будущем, но,

чтобы международное общество оставалось устойчивым, необходимо дополнить идею межгосударственного порядка пониманием справедливости. Нормы государств в отношении людей – более фундаментальная ценность, чем порядок в отношениях государств. Поэтому они первичны и иногда морально приоритетны [Vincent 1986, p. 43 нет в списке литературы, есть 1986 год].

Такую позицию исследователя не стоит принимать за английский аналог транснационализма, но он одним из первых в школе поставил вопрос о соотношении различных институтов международного общества между собой. Представления о международной справедливости сыграли здесь не последнюю роль. Английская школа и сегодня отводит значительное место моральным факторам международных отношений, считая их существенной частью анализа международной повестки. С этой точки зрения окончание холодной войны было продиктовано и изменениями в международной политической этике, которая перестала отвечать запросам общества о справедливости миропорядка. Известно, например, что в начале 1980-х гг. население ряда западноевропейских стран выходило на демонстрации и критиковало правительства за превращение людей в заложников ядерной угрозы.

Таким образом, Английская школа международных отношений в окончании «старой холодной войны» обращает внимание на структурные и моральные факторы, остающиеся за пределами конкретных эмпирических событий и центральной линии противостояния между США и СССР. Политическое противоборство сверхдержав редуцировало широкое историко-социологическое представление о международных отношениях эпохи до относительно узкой проблематики.

Современный этап противостояния России и Запада сторонниками Английской школы также трактуется своеобразно. Термин «новая холодная война» они стараются не употреблять. Это по-прежнему связано с сильным акцентом на историческом изучении международных отношений. Холодная война в этой связи представляется Английской школой конкретно-историческим типом развития определенного международного общества. Но есть не менее интересные концепты. Например, Я. Кларк исходит из термина «постхолодный международный порядок» [Clark 2001]. В целом школа не проходит мимо современных форм конфронтации в международных отношениях. Они по-прежнему объясняются глубинными тенденциями развития международной системы, а не конкретными событиями и персоналиями. В этом достоинства и недостатки данного подхода.

В первую очередь современные конфликты, и противостояние с Россией здесь не исключение, порождены столкновением различных типов государств. Международное общество хотя и стало глобальным, но остается неоднородным по составу участников. Б. Бузан в этой связи пишет о наличии досовременных, современных и постсовременных государств в существующих международных отношениях [Buzan, Waever 2002, pp. 14–16]. Такое деление приобретает смысл с точки зрения формулирования приоритетов внешней политики конкретных стран.

Многообразие видов государств и их интересов в качестве предпосылок формирования международных конфликтов современности не вызывает особых нареканий. Сами по себе данные факторы не объясняют ни содержание, ни остроту современных проблем в отношениях между США и Россией. Такая ситуация привлекает внимание к объективной составляющей структуры современного мира – разнообразию интересов участников международного взаимодействия. «Новая холодная война» с этой точки зрения – не вызревание качественного иного типа миропорядка, но ситуация, требующая признания гетерогенности современного международного общества.

Второй фактор нынешней конфронтации – проблемы формирования новой международной легитимности – менее объективен, но он также выступает частью современной нормативной повестки анализа международного общества. Этому понятию в исследованиях Английской школы традиционно уделяется большое внимание. О важности международной легитимности для поддержания международного порядка писал еще Ч. Мэннинг [Manning 1975]. Для него международное общество начинается с уважительного отношения к международному праву. Специальное внимание уделял этой теме и М. Уайт, для которого соблюдение международной легитимности было одним из маркеров правомерности членства в международном обществе [Wight 1977, pp. 153–172]. Сегодня эту тематическую линию в Английской школе развивает Я. Кларк [Clark 2005].

В одной из своих последних работ он развернул целую программу изучения международной легитимности, считая, что международники либо пренебрегают данным понятием, либо используют его в веберовском (внутриполитическом) смысле как синоним правомерных действий [Clark 2005, pp. 13, 18]. Для Я. Кларка международная легитимность – это атрибут существования международного общества [Clark 2005, p. 7]. Каковы истоки понятия в возможности ограничения гегемонистских войн? Как правило,

«большие» войны завершались крупным международным договором. В такой трактовке международной легитимности Я. Кларка поддерживает и К.Я. Холсти [Holsti 1991, pp. 21–22]. В этом смысле международная легитимность – это больше, чем сумма политических правил, признаваемых в обозначенный период времени. На ее основе международный порядок обретает свою устойчивость и определенность. В этом смысле легитимность – признак существования международного общества.

Особенность современной ситуации – в отсутствии общепринятых представлений о международной легитимности. Причина этого состоит в том, что «старая холодная война» не завершилась крупным международным договором, определившим политико-правовые контуры международного взаимодействия. Но поскольку «старая холодная война» не была войной в прямом значении этого слова, то и «постхолодный мир», как характеризует современное состояние международных отношений исследователь, – это не совсем мир [Clark 2001, p. 4]. Международная легитимность как понятие занимает свою определенную нишу в теоретических представлениях о международных отношениях. Это не только атрибут международного общества в истории, не только аналог стабильности в теории международных отношений, но и попытка обобщенного представления о нормах, ценностях и морали в международном политическом процессе. Легитимность в известном смысле – антипод применения силы в международных отношениях [Clark 2005, p. 16]. Это ресурс международного порядка [Clark 2005, p. 30]. На какой основе должна сложиться современная международная легитимность как механизм поддержания международного порядка, ни Я. Кларк, ни другие современные представители школы однозначно не отвечают. Обобщенно можно выделить два крыла внутри концепции международного общества: так называемые плюралисты – сторонники государствоцентричной модели трактовки современного мира – и солидаристы – адепты усиления гуманитарной составляющей в понимании современного международного общества.

Между тем попытка объяснить современные расхождения в отношениях с Россией с позиций отсутствия международной легитимности обращает на себя внимание стремлением выйти за традиционное институциональное поле трактовки международного общества. Происходит эрозия международного права. О последствиях такого развития событий писал еще Х. Булл. Попытки реформирования международного права на базе неоднородных процессов второй половины XX в. могут не укрепить, но разрушить этот институт, выступающий определенной альтернативой балансу

сил. Иначе говоря, в развитии проблематики международной легитимности проявляется некоторый разрыв между действующими нормами международного права и ценностными установками современных участников международного общества, что может вести к дерегулированию международных отношений и замене правового механизма внеправовым (ценностным).

В целом «старая холодная война» была периодом вытеснения биполярной системы международным обществом. «Новая холодная война» – это период существования международного общества без четких правил действий внутри него. Отсюда и ослабление регулятивной роли международного права, и проблемы международной легитимности, и рецепция великодержавности в международных отношениях. Возврат к биполярной структуре мира в современных условиях не возможен, но и мировое общество пока не состоятельно. В этой связи еще Булл писал о нескольких моделях эволюции международных отношений, одна из которых метафорически называлась им «новое средневековье». Разные типы международных отношений уживаются вместе, и результат их взаимодействия не предопределен. Поэтому «постхолодный мир» воспринимается как «война миров».

Таким образом, общим знаменателем в осмыслении окончания «старой» и возникновении «новой» холодной войны в Английской школе международных отношений выступает попытка их объяснения с позиций структурных изменений сложившегося международного общества. Однако есть и существенные различия. Если «старая холодная война» считается движением от редуцированной биполярной системы к глобальному международному обществу, то «новая» приобретает метафорический смысл. «Постхолодный мир» демонстрирует не просто эрозию традиционных институтов международного общества. Он показывает внутреннюю неоднородность современного мира, зыбкость правил и норм в международной политике и, как следствие, отсутствие устойчивых представлений о новом международном обществе.

Литература

- Bull 1977 – Bull H. The anarchical society. A study of order in world politics. New York, Columbia University Press, 1977. 335 p.
- Bull 1973 – Bull H. War and international order // The bases of international order. Essay in honour of C.A.W. Manning / Ed. by A. James. London: Oxford University Press, 1973. P. 116–132.

- Bull 1984 – *Bull H.* The revolt against the West // Bull H., Watson A. The expansion of international society. Oxford: Clarendon Press, 1984. P. 217–228.
- Buzan 2004 – *Buzan B.* From International to world Society. English School Theory and Social Structure of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 295 p.
- Buzan, Waever 2002 – *Buzan B., Waever O.* Powers and regions. The structure of international security. Cambridge, 2002. 387 p.
- Clark 2001 – *Clark I.* The post-cold war order. The spoils of peace. Oxford: Oxford University Press, 2001. 276 p.
- Clark 2005 – *Clark I.* Legitimacy in International Society. Oxford: Oxford University Press, 2005. 278 p.
- Donnelly 1998 – *Donnelly J.* Human rights: a new standard of civilization? // International Affairs. 1998. Vol. 74. No. 1. P. 1–23.
- Finnemore 1996 – *Finnemore M.* Constructing norms of humanitarian intervention // The culture of national security. Norms and identity in world politics. New York: Columbia University Press, 1996. P. 153–185.
- Holsti 1901 – *Holsti K.J.* Peace and war: Armed conflicts and international order 1648–1989. New York: Cambridge University Press, 1991. 379 p.
- Jackson 1993 – *Jackson R.* Quasi-state: sovereignty, international relations and the Third World. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 225 p.
- Jackson 2000 – *Jackson R.H.* The global covenant: human conduct in a world of states. Oxford: Oxford University Press, 2000. 464 p.
- Kaldor 1999 – *Kaldor M.* New and old wars. Organized violence in a global era. Cambridge: Polity Press, 1999. 224 p.
- Kaldor 2000 – *Kaldor M.* Cosmopolitanism and Organized Violence. Paper prepared for Conference on “Conceiving Cosmopolitanism”, Warwick, 27–29 April 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.insumisos.com/lecturasinsumisos/Mary%20Kaldor%20%20sobre%20violencia.pdf> (дата обращения 16 июня 2019).
- Little 2007 – *Little R.* The balance of power in international relations. Metaphors, myth and models. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 317 p.
- Manning 1975 – *Manning C.A.W.* The nature of international society. L.: London School of Economics and Political Science. 1975. 280 p.
- Northedge 1976 – *Northedge F.S.* The international political system. London: Faber and Faber, 1976. 336 p.
- Vincent 1986 – *Vincent J.R.* Human rights and international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 237 p.
- Watson 1992 – *Watson A.* The evolution of international society. A comparative historical analysis. London; New York, 1992. 337 p.
- Wheeler, Dunne 1998 – *Wheeler N.J., Dunne T.* Good citizenship: A third way for British foreign policy // International Affairs. 1998. Vol. 74. No. 4. P. 847–870.
- Wight 1949 – *Wight M.* Power politics. London: Royal Institute of International Relations, 1949. 68 p.

Wight 1977 – *Wight M. The international legitimacy // Bull H. System of State.* Leicester: Leicester University Press, 1977. P. 153–172.

References

- Bull, H. (1977), *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*, Columbia University Press, New York, USA.
- Bull, H. (1973), “War and International Order”, in: James A. (ed.), *The Bases of International Order. Essay in honour of C.A.W. Manning*, Oxford University Press, London, UK, pp. 116–132.
- Bull, H. (1984), “The Revolt against the West”, in: Bull, H., Watson, A. (eds.), *The Expansion of International Society*, Clarendon Press, Oxford, UK, pp. 217–228.
- Buzan, B. (2004), *From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Buzan, B. and Waever, O. (2002), *Powers and Regions. The Structure of International Security*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Clark, I. (2001), *The Post-Cold War Order. The Spoils of Peace*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Clark, I. (2005), *Legitimacy in International Society*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Donnelly, J. (1998), “Human rights: a new standard of civilization?”, *International Affairs*, vol. 74, no. 1, pp. 1–23.
- Finnemore, M. (1996), “Constructing Norms of Humanitarian Intervention”, in: *The Culture of National Security. Norms and Identity in World Politics*, Columbia University Press, New York, pp. 153–185.
- Holsti, K.J. (1991), *Peace and War: Armed Conflicts and International Order 1648–1989*, Cambridge University Press, New York, USA.
- Jackson, R. (1993) *Quasi-State: Sovereignty, International Relations and the Third World*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Jackson, R.H. (2000), *The Global Covenant: Human Conduct in a World of States*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Kaldor, M. (1999), *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Polity Press, Cambridge, UK.
- Kaldor, M. (2000), *Cosmopolitanism and Organized Violence: Paper prepared for conference on “Conceiving Cosmopolitanism”, Warwick, UK, 27–29 April*, [Online], available at: <https://www.insumisos.com/lecturasinsumisos/Mary%20Kaldor%20%20sobre%20violencia.pdf> (Assessed 16 June 2019).
- Little, R. (2007), *The Balance of Power in International Relations. Metaphors, Myth and Models*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Manning, C.A.W. (1975), *The Nature of International Society*. London School of Economics and Political Science, London, UK.

- Northedge, F.S. (1976), *The International Political System*, Faber and Faber, London, UK.
- Vincent, J.R. (1986), *Human Rights and International Relations*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Watson, A. (1992), *The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis*, London, UK, New York, USA.
- Wheeler, N.J. and Dunne, T. (1998), "Good Citizenship: A Third Way for British Foreign Policy", *International Affairs*, vol. 74, no. 4, pp. 847–870.
- Wight, M. (1949), *Power Politics*. Royal Institute of International Relations, London, UK.
- Wight, M. (1977), "The International Legitimacy", in: Bull, H. (ed.), *System of State*. Leicester University Press, Leicester, UK, pp. 153–172.

Информация об авторе

Виктор В. Миронов, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет, Омск, Россия; Россия, Омск, 644077, пр. Мира, д. 55а; *vvm_512@rambler.ru*

Information about the author

Victor V. Mironov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Omsk State University, Omsk, Russia; bld. 55 a, Mira Av., 644077, Omsk, Russia; *vvm_512@rambler.ru*

КРУГЛЫЙ СТОЛ «Новая холодная война» как концепт и реальность

27 марта 2019 г. в рамках конференции «Поворотные моменты в окончании холодной войны: взгляд с Запада и Востока», организованной РГГУ (факультет международных отношений и зарубежного регионоведения) совместно с Институтом всеобщей истории РАН и в сотрудничестве с Посольством США в РФ и Институтом Кеннана Центра им. Вудро Вильсона, прошел круглый стол «Новая холодная война» как концепт и реальность». Его вел Ф.А. Лукьянов, председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике». С короткими докладами выступили: А.А. Громыко, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, директор Института Европы РАН; А.Б. Безбородов, д-р ист. наук, профессор, ректор РГГУ; В.Н. Гарбузов, д-р ист. наук, профессор, директор Института США и Канады РАН; М.А. Конаровский, ведущий научный сотрудник Московского института международных отношений МИД РФ (МГИМО(У)), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Афганистане (2002–2004); М. Крамер, профессор, директор программы по изучению холодной войны Гарвардского университета; П.Р. Палажченко, руководитель службы международных связей и СМИ Горбачев-Фонда. После выступлений ведущих спикеров состоялась дискуссия, в которой принял участие Дж. Мэтлок, Посол США в СССР (1987–1991).

Публикуем сокращенную стенограмму круглого стола.

Для цитирования: Круглый стол: «Новая холодная война» как концепт и реальность // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 4. С. 37–59.

ROUND TABLE The “New Cold War” as a concept and as a reality

On March 27, 2019 at the conference “Turning Points in the End of the Cold War: A Look from the West and the East”, organized by the Russian State University for the Humanities (Department of International Relations and Regional Studies) jointly with the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences and in collaboration with the US Embassy in the Russian Federation and the Kennan Institute of the Woodrow Wilson International Center, the roundtable “New Cold War as a Concept and Reality” was held. It was led by F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium

of the Council on Foreign and Defense Policy, Editor-in Chief of the Journal "Russia in Global Affairs". Short presentations were made by: A.A. Gromyko, Dr. of Sci. (History), Professor, Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), Professor, Rector of the Russian State University for the Humanities, V.N. Garbuzov, Dr. of Sci. (History), Professor, Director of the Institute for the USA and Canada Studies, Russian Academy of Sciences, M.A. Konarovsky, Senior Research Fellow, Moscow Institute of International Relations (MGIMO(U)), Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary to Afganistan (2002–2004), M. Kramer, Professor, Program Director of the Project on Cold War, Harvard University, P.R. Palazhchenko, Head of International and Media Relations, Gorbachev Foundation. After the reports of the leading speakers, a discussion took place, in which participated J. Matlock, Ambassador of the US to the USSR (1987–1991).

We publish an abridged transcript of the round table.

For citation: (2019) Round table: The "New Cold War" as a concept and as a reality. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 37-59.

А.А. Громько

Могла ли холодная война закончиться раньше?

Мне представляется, что до сих пор остаются достаточно дискуссионными вопросы о том, когда началась холодная война и могла ли она закончиться раньше. Для выстраивания в середине XX в. структуры долговременного противостояния, получившего название «холодная война», потребовалось несколько лет и череда событий и кризисов. В ее ходе существовало много развилок, неизвестных и переменных, которые исключали какую-либо предопределенность.

В истории классической холодной войны при всей ее сложности и многоликости, на мой взгляд, были два ключевых момента: Кубинский кризис 1962 г. и Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), которое закончилось подписанием Заключительного акта в Хельсинки в 1975 г. Договоренности 1975 г. ознаменовали собой пик разрядки, но мне кажется, что свой потенциал эти события раскрыли лишь частично. Почему тогда появилась возможность достичь этой самой разрядки? И вообще, как трактовать этот феномен? Вокруг этого я хотел бы построить свое выступление.

В первой половине 1970-х гг. сам контекст международных отношений подталкивал к поиску большого соглашения. Конечно, эта стратегическая идея советской дипломатии родилась еще во второй половине 1950-х гг., но в ее реализации не меньшую роль сыграли текущие обстоятельства, а именно, если выражаться современным языком, большая дестабилизация: война во Вьетнаме, расшатанный социальный мир в Европе, очередной конфликт между Израилем и арабскими государствами (война Судного дня), первый мировой энергетический кризис, повсеместное нарастание внутриевропейских социально-экономических проблем, заставлявших уходить в отставку президентов и премьер-министров.

Одной из ключевых предпосылок для успеха хельсинкского проекта было решение германского вопроса. Московский договор 1970 г. открыл для этого путь. Одним словом, ведущие державы в те годы пришли к пониманию того, что в их интересах договориться об общих принципах взаимоотношений и создать панъевропейскую переговорную площадку в виде СБСЕ.

Немногие специалисты, особенно за рубежом, помнят о том, что его созыв изначально был инициативой советской дипломатии. В сентябре 1965 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, выступая на 20-й сессии Генеральной ассамблеи (ГА) ООН и поднимая вопрос о послевоенных границах в Европе, впервые огласил следующий тезис: «Советский Союз последовательно выступает за согласование, объединение усилий европейских государств в интересах безопасности, за развитие сотрудничества между ними на общеевропейской основе». Только позже для непосвященного политического обозревателя станет ясно, что именно в тот период советская дипломатия начала закрытые консультации с другими государствами по идее общеевропейского совещания.

Отношение СССР к значению этой идеи было раскрыто в выступлении советского министра 3 июля 1973 г. в Хельсинки. Он подчеркнул, что впервые в послевоенной истории континента за столом собрались европейские государства, США и Канада. Как известно, это совещание имело три стадии, и кульминационным советский министр заранее назвал третий этап, на котором руководители всех государств – участников этого совещания должны были подписать итоговое соглашение.

Помимо сказанного выше о ситуации в мировых делах необходимо отметить целый ряд благоприятных моментов в международных отношениях для запуска хельсинкского процесса. Это было, естественно, и прекращение войны во Вьетнаме, и достижения на пути сдерживания гонки вооружений, и Договор о нераспростране-

нии ядерного оружия 1968 г., и соглашения о запрете и ликвидации бактериологического и токсинного оружия, и подписание ОСВ-1, и начало консультаций на пути к ОСВ-2. Советский Союз тогда считал, что все эти и другие достижения могут привести к кумулятивному эффекту и позволить развить успех в деле нормализации международных отношений.

30 октября 1973 г. начались переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. СССР активно призывал выполнить решение ООН, которое в свое время он же и лоббировал, о созыве всемирной конференции по разоружению.

Как никогда были благополучны отношения Москвы с Вашингтоном, Парижем, Бонном, Римом. Вспомним, например, о том, что в октябре 1971 г. Л.И. Брежнев и Ж. Помпиду подписали Договор о принципах сотрудничества между СССР и Францией; а в мае 1972 г. Л.И. Брежнев и Р. Никсон подписали Договор об основах взаимоотношений между СССР и США.

Мне представляется, что принципиальным моментом было то, что Москва рассматривала всю сумму тогдашних обстоятельств в мировых делах как возможность не только сделать холодную войну менее опасной, но вообще ее закончить, достичь нового качества международных отношений. Вот один из тезисов выступления Громыко 3 июля 1973 г.: «Если вдуматься в значение перемен, происходящих в международных делах, осмыслить их направленность, то нельзя не прийти к выводу, что в настоящее время закладываются основы для новых мирных отношений между государствами на исторически обозримый период». В этой же речи была использована редкая для тех времен категория доверия. На им же и поставленный вопрос, какой мы хотим видеть Европу в будущем, Громыко ответил: «Мы стремимся к тому, чтобы доверие и взаимопонимание позволили постепенно преодолеть разделение континента на военно-политические группировки, отношения между всеми европейскими государствами должны стать отношениями мирного и взаимовыгодного сотрудничества».

Большие ожидания Москвы, как мне представляется, не были риторическими или сиюминутными. Позволю себе утверждать, что в течение нескольких лет руководство СССР не сомневалось в высоких шансах достичь нового качества международных отношений вплоть до того, чтобы покончить с холодной войной.

Так, в ноябре 1974 г. в докладе министра иностранных дел на торжественном заседании, посвященном 57-й годовщине Октябрьской революции, читаем: «Есть все основания сказать, что в наши дни выходит на более широкий простор процесс перестройки меж-

дународных отношений». И далее: по понятным причинам «особое значение имеет улучшение отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами».

В 1973–1975 гг. А.А. Громыко не раз высказывался о холодной войне как о странице прошлого. Так, в том же выступлении в ноябре 1974 г. он заявил: «Мы не должны закрывать глаза на то, что имеются еще влиятельные силы, которым хотелось бы вернуть мир к временам холодной войны». То есть к холодной войне министр относился уже как к прошедшему этапу, или, по крайней мере, он считал, что этот тезис необходимо постоянно и настойчиво оглашать.

Вот еще одна цитата из его доклада в мае 1975 г. на собрании по случаю 20-летия Варшавского договора: «Вспомним, как складывалось положение в Европе и за ее пределами, когда заключался Варшавский договор. То был период холодной войны, навязанной наиболее агрессивными силами империализма». В тексте выступления советского министра иностранных дел на 30-й сессии ГА ООН в сентябре 1975 г. читаем: «Заключительный акт Совещания – один из самых выдающихся документов нашего времени. Итоги Совещания являются тщательно взвешенным балансом интересов всех участников и выражают общие приемлемые договоренности и обоснованные компромиссы. <...> Шаг за шагом избавляются страны Азии, Африки и Латинской Америки от последствий холодной войны с ее уродством в политике...». То есть вновь и вновь звучит мысль о том, что холодная война уже осталась или остается в прошлом.

Эти настроения и ожидания советского руководства продержались достаточно долго. Проходит два года после подписания Заключительного акта в Хельсинки. А.А. Громыко выступает в сентябре 1977 г. на 32-й сессии ГА ООН и приводит цитату из речи Л.И. Брежнева в январе того же года в Туле: «Разрядка – это прежде всего преодоление холодной войны, переход к нормальным, равным отношениям между государствами. Разрядка – это определенное доверие и умение считаться с законными интересами друг друга».

То есть я хотел бы обратить внимание на то, что в то время для советского руководства, во-первых, разрядка воспринималась не как более благополучный этап холодной войны, а как ее преодоление и, во-вторых, не предполагала снятия мировоззренческих противоречий между системами и вела к установлению тесного сотрудничества в рамках нового модус вивенди, нового равновесия сил, основанного на компромиссах и учете интересов друг друга.

То, как было настроено руководство одной из сверхдержав, на мой взгляд, очень важно с точки зрения вероятности окончания холодной войны в тот период истории. Это была не только риторика и прекраснотушие, но, как мне кажется, и трезвый расчет, основанный на массе фактов и событий. Думается, что в 70-е гг. прошлого века существовало окно возможностей для перевода биполярной системы в новое русло, по отношению к которому выражение «холодная война» действительно могло бы стать устаревшим. Возможно, если бы история пошла несколько другим путем, то следующий период стали бы называть периодом «холодного мира». Но этого не произошло.

Ф.А. Лукьянов

Спасибо большое, Алексей Анатольевич!

Мне очень приятно быть здесь, потому что про холодную войну сейчас говорят все кому не лень, но это понятие превратилось в довольно бессмысленный штамп, которым прикрывают, как мне кажется, непонимание того, что происходит. Вполне естественно человеческое желание найти схему, объясняющую происходящее, среди того набора, который известен и понятен. Мы активно пытаемся это сделать и каждый раз терпим неудачу на данном пути. Особенно сейчас, поскольку при некотором внешнем сходстве ситуации, существовавшей 40 или 50 лет назад, и того, что происходит сегодня, суть событий, как мне представляется, кардинально различается. И мы будем говорить в том числе и об этом.

Прежде чем передать слово А.Б. Безбородову, я зацеплюсь за одну мысль, которую высказал А. Громыко, о том, что советская сторона, по крайней мере на словах, старалась закончить холодную войну задолго до того, как она завершилась, и вернуться к состоянию некой нормы, когда есть более-менее конструктивные отношения. Мне кажется, можно поставить философский вопрос: «А что есть норма?»

А.Б. Безбородов

Проблема войны и мира в геополитике современной России:
2014–2019 гг.

У нас у всех есть общее желание чуть глубже разобраться в комплексе вопросов, связанных с тем понятием, целой эпохой, которая называлась «холодной войной». Я решил попытаться рассмотреть их через фундаментальную для современной эпохи проблему войны

и мира, ибо холодная война все-таки подразумевает какой-то мир, осложняющийся неким противостоянием. Здесь присутствует серьезное противоречие между войной и миром уже на терминологическом уровне. Разрешать это противоречие в современную эпоху приходится в том числе и Российской Федерации.

Руководство страны предлагает действовать упреждающими методами и лишь в крайнем случае использовать военную силу. Это закреплено на уровне оборонной стратегии и концепций безопасности.

Решение проблем национальной безопасности зависит от ответов на экономические вызовы. Мы понимаем, что технологическое развитие России происходит неравномерно. Те, кто отвечает в целом за безопасность страны, имеют в виду определенный секторальный подход при ее обеспечении. Существуют как минимум три сектора, вызывающие интерес. Первый я бы условно назвал демонстрационным, второй – информационно-политическим, а третий – военно-политическим.

В первом случае идет речь о демонстрации технологического уровня нашей оборонной промышленности. Поэтому эта тематика регулярно освещается на страницах любого крупного периодического издания России. Думаю, россияне сегодня знают обо всех современных образцах военной техники нашей страны: «Авангарде», «Сармате», «Пересвете», «Кинжале», «Посейдоне», «Буревестнике», «Цирконе» и т. д. Все это оказывает очень серьезное воздействие и на мир, и на россиян. Это вооружение, пусть и не доведенное до массовых образцов, демонстрирует высокий уровень оборонной промышленности страны и подчеркивает наши технологические возможности.

Важно иметь в виду и второй сектор, информационно-политический. Современная оборонная стратегия США акцентирует внимание на том, что технологическое развитие в ближайшее время будет определять характер войн, с которыми столкнутся не только Россия и США, но и другие страны. Это и составляет суть того, что мы иногда называем вторым изданием холодной войны. В связи с прекращением действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности Российская Федерация в своих обращениях к европейским государствам подчеркивает, что наша страна не будет размещать и нацеливать оружие на те из них, которые не будут размещать соответствующее оружие на своей территории. Все это гарантировано с нашей стороны на самом высоком уровне и учитывается в национальном военном и оборонном строительстве. В то же время были сделаны заявления о намерении Российской

Федерации при крайне негативном сценарии развития событий сохранить за собой возможность нанесения удара по пусковым установкам.

И наконец, есть то, что связано с третьим сегментом – военно-политическим, который складывается с учетом геополитической ситуации, которая формируется сегодня вокруг России. Четко просматривается идея оградить страну по всему периметру ее границ, причем при помощи серьезных вооружений и военной техники, а также политических методов. На севере сформирована мощная арктическая группировка, на юге используются пространства стран постсоветского зарубежья и Крымский плацдарм, а на западном направлении учитываются возможности и потенциал Союзного государства Россия – Белоруссия.

Сегодня, говоря о Крыме, мы подчеркиваем не только гражданскую составляющую этой возвратившейся в состав России территории, но и ее очень серьезное военное оснащение, превращающее регион в мощный бастион. Военный потенциал Крыма превосходит, с учетом сложной геополитической ситуации в Черноморском регионе, возможности любого другого региона Российской Федерации. Это во многом оправдано, учитывая наше беспокойство по поводу крымско-украинской границы и региона Донбасса, где обстановка накалена.

Российская Федерация предпринимает усилия по формированию арктической группировки войск, созданию морских и авиационных военных баз, что освещается в специальной литературе по военной и оборонно-промышленной тематике и хорошо известно за рубежом.

Кроме того, есть и серьезный интерес России к Африканскому континенту, а также к Сирии. Все вышесказанное, безусловно, служит важным фактором при формировании и реализации военно-политическим руководством страны упреждающих методов, предотвращающих развитие конфликтных ситуаций в мире.

Ф.А. Лукьянов

Александр Борисович затронул очень много важных аспектов, из которых я бы выделил следующие.

Как раз после холодной войны, на мой взгляд, все очень сильно расслабились и забыли о том, что сердцевиной мироустройства является вопрос войны и мира, вернее вопрос сохранения мира и недопущения войны. И тема реальной возможности войны, кото-

рая неизменно присутствовала в сознании людей 40–50 лет назад, куда-то ушла. А сейчас она стремительно возвращается. Может быть, даже с некоторым перебором. Александр Борисович упомянул в этой связи российский дискурс. Мне представляется, что он стал излишне милитаризованным. Понятно, что это попытка компенсировать отставание в предшествующий период бравыми заявлениями. Но в современном мире грань между заявлениями и делами вообще стерлась. Все это вызывает серьезное беспокойство и наводит на размышления.

С одной стороны, я совершенно с Вами согласен, что смысл дипломатии в эпоху кризисов – посылать очень четкие и понятные сигналы, чтобы ни у кого не было никаких сомнений в серьезности намерений. С другой стороны, мне иногда кажется, что происходящее в международном диалоге сейчас, не только с нашей стороны, а вообще со всех, рассчитано не на внешнего партнера, а на внутреннюю аудиторию. Риторика МИД РФ малоубедительна для внешнего партнера, зато очень хорошо соответствует ожиданиям российского общества. И наши западные коллеги, совершенно не воспринимая заявления российской стороны, говорят то, что обращено прежде всего к гражданам их стран.

На мой взгляд, в этом одно из важнейших отличий нынешней ситуации от периода холодной войны. Внутренняя стабильность общества, которую пытаются обеспечить любыми способами, в том числе и такой мотивацией, становится ключевым моментом. Война вряд ли будет вестись прежними методами на определенном театре военных действий. Главное пространство конфликта сегодня – санкционное давление, которое можно назвать экономической войной. Здесь, к сожалению, Россия находится в ряду более уязвимых участников, чем некоторые другие страны.

В.Н. Гарбузов

Биполярности в современном полицентричном мире

Что касается холодной войны, то она относится к тем явлениям, которые будут всегда вызывать споры историков. Ничего тут не поделать.

Тем не менее в самой холодной войне уже очень много ясного и определенного. Понятно, когда она началась и когда закончилась. Хронологические границы, этапы и апогей холодной войны – Карибский кризис – известны. Даже ее определение дано, и никто против него не возражает. Классическая холодная война – это

глобальная конфронтация двух супердержав на четких идеологических основаниях. Причем она все время эволюционировала. До Карибского кризиса она была одна, а после Карибского кризиса – другая (регулируемая, более предсказуемая). Она и закончилась как регулируемая холодная война. Причем в связи с тем, что одна из супердержав просто перестала существовать. И оказалось, что когда исчезла биполярность, то ушла в прошлое и холодная война. Стало быть, глобальная биполярность – одна из ее характерных черт. Поэтому, называя то, что сейчас происходит, холодной войной, мы действуем по привычке, потому что это удобно. А вообще говоря, классическая холодная война закончилась с распадом Советского Союза.

На мой взгляд, эта война была неизбежна. Среди победителей во Второй мировой войне оказались страны, которые по-разному представляли будущее. Прежде всего Соединенные Штаты Америки и Советский Союз. Кроме всего прочего, СССР должен был создавать сферы своего геополитического влияния, потому что воспоминания о довоенном периоде заставляли его оставаться некой осажденной крепостью. Это провоцировало формирование того порядка, который мы именуем холодной войной.

После ее окончания начинается эпоха 1990-х гг. Иногда я называю ее эпохой упущенных возможностей для нашей страны, потому что это был период наивности и недалковидности. У нас не было людей, которые видели бы дальше своих современников. Существовала детская убежденность в том, что после холодной войны будет новый мировой порядок. Теперь об этом никто не вспоминает.

В том новом миропорядке Россия должна была воспринять те наработки и закономерности, которые существовали на Западе. Иными словами, как любят говорить американцы, Россия должна была вернуться на правильную дорогу истории. И действительно, мы считали западные ценности универсальными. Подобная абсолютизация привела к тому, что часть политической элиты России стала воспринимать такой подход как сдачу позиций. На фоне распада страны, потери территории, союзников и в целом какой-либо геополитической инициативы, конечно, все это расценивалось как поражение. Но и этот период остался в прошлом.

А что представляет собой мир сегодня? Совершенно очевидно, он не биполярный. Мы находимся на начальном этапе формирования многополярного мира. Сколько сейчас у него центров, я не буду говорить. Они разные, это не только государства, но и международные организации, а также квазигосударственные образования. Но

этот полицентричный мир более хаотичен, более беспорядочен, более опасен и менее регулируем, чем он мог бы быть. Это один момент.

Второй момент. Внутри этого полицентричного мира сформировались свои биполярности, хотя их и не надо сравнивать с биполярностями эпохи холодной войны, потому что каждая историческая эпоха индивидуальна. Существует американо-китайская биполярность, пока не глобальная. Но она регулируемая. Эти отношения основаны не только на взаимном отторжении, но и на взаимном притяжении. Идут не только торговые войны, но и диалог. Китай ведь кредитор США. Вот такая интересная модель.

Жизнеспособна ли она? Да, конечно, и может существовать десятилетиями, хотя и будет эволюционировать. Эта модель не обязательно приведет, как многие говорят, к глобальной американо-китайской войне. Диалог спасает от подобного варианта. Может ли произойти переход к глобальной биполярности? Может. А может и не произойти.

Вторая, причем совершенно другая, биполярность – российско-американская. Она не похожа на конфронтацию времен холодной войны. Нынешняя модель отношений России и США формировалась под влиянием переосмысления российским руководством политики 1990-х гг.

Россия находится сейчас в состоянии поиска своих геополитических полей на восточном направлении. Это воспринимается Соединенными Штатами Америки как вызов их собственным константам внешнеполитического поведения. Потому такая реакция, санкции и все прочее.

На мой взгляд, пока такая политика будет продолжаться, будет существовать и биполярность. Поэтому все надежды двухлетней давности на приход Д. Трампа, который ничего не понимает в геополитике, но понимает в экономике и бизнесе, были большой наивностью со стороны российской политической элиты. С Трампом кашу не удавалось сварить два года. И следующие два года тоже не удастся, потому что есть вещи, которые сильнее субъективных желаний, мощнее давления даже такого амбициозного человека, как Трамп.

Возможны ли изменения? Конечно же, поскольку все меняется, может что-то произойти и на этом направлении. Но для этого партнеры должны идти друг другу на уступки. В ходе встречного движения вырабатывается компромисс и меняется модель отношений. Ни та, ни другая сторона, несмотря на все заявления, пока не готова ни к уступкам, ни к компромиссу.

Из этих двух биполярностей американо-китайская, как мне кажется, более конструктивная, потому что, в отличие от российско-американской биполярности, она регулируемая и предполагает диалог. Такой диалог должен быть постоянным и предусматривать деятельность рабочих групп, обсуждение, поиск компромиссов, разработку и подписание документов, действия в соответствии с принятыми договоренностями – все то, что было в годы холодной войны.

Сегодня в отсутствие атмосферы доверия сложно наладить даже элементы диалога, которые могут способствовать регулированию отношений между Россией и США.

В такой ситуации не стоит ожидать в ближайшие два года (до выборов 2020 г.) кардинальных изменений в отношениях между двумя странами. Но это не та холодная война, которая была. Это конфронтация, но не глобальная. И она проводится без институтов конфронтации в таком масштабе, как в годы холодной войны.

Ф.А. Лукьянов

Валерий Николаевич упомянул новый мировой порядок, который очень активно обсуждался на рубеже 1980–1990-х гг. Павел Русланович Палажченко не даст соврать, первым о нем заговорил М.С. Горбачев, по-моему, в 1986 г. Но потом эту идею аккуратно присвоили себе Соединенные Штаты. Причем в интерпретации президента Дж. Буша содержалось совершенно другое значение. На мой взгляд, важно то, что это понятие так и не наполнилось реальным смыслом.

То есть была красивая идея, сначала в советском, потом в американском понимании. Однако никакого содержания механизмов нового мирового порядка предложено и обсуждено не было. Само собой подразумевалось, что Соединенные Штаты стали лидирующей державой и дальше все как-то выстроится, потому что они-то знают, что и как нужно делать. Активно и более предметно говорили о европейском порядке в связи с ОБСЕ, Евросоюзом и его трансформацией. Но о мировом порядке – нет. И только сейчас мы наблюдаем начало серьезного процесса его формирования. А то, что было в промежуток с конца 1980-х гг. до сего времени, никакой не новый мировой порядок, а попытка «натянуть» половину старого мирового порядка на весь мир. И она по вполне объективным причинам не сработала. Так что мы в начале пути.

Михаил Алексеевич Коновалов затронет в своем выступлении важнейшую тему. Афганистан – уже не просто страна, не только проблема, но и метафора.

М.А. Конаровский

Внешние факторы афганского примирения:
ть холодной войны или новые возможности
для сотрудничества

Для американцев тема Афганистана сейчас чрезвычайно важна. Решение президента Д. Трампа о полном выводе военного контингента США из этой страны открывает новую страницу в ее истории, так как ставит проблему формирования нового правительства. В этой связи спецпредставитель Госдепартамента США посол Залмай Халилзад сейчас активно сотрудничает и с центральными властями в Кабуле, и с главной оппозицией в лице Талибана. Халилзад – этнический афганец. Поэтому, наверное, Д. Трамп полагает, что он сможет решить афганские проблемы. Хотя я, честно говоря, в этом не уверен. При всем моем почтении к господину послу.

Если мы посмотрим на Сирию и Афганистан, то увидим, что у нас есть очень много общего с американской стороной. Прежде всего мы озабочены обеспечением стабильности и мира в этих странах. Это необходимо не только для региона, но и для нас самих. Кроме того, и Россия, и США активно борются с международным терроризмом.

При этом фундаментальные противоречия между Россией и США в подходах к решению проблем являются основой всего, что происходит сейчас, и того, что происходило раньше. «Новая холодная война» вырастает из-за непонимания позиций друг друга и нежелания их понять.

Миссия посла Халилзада, его переговоры в Кабуле, встречи с разными международными представителями вселяют, на мой взгляд, определенную надежду на обеспечение мира в Афганистане. Это отвечает интересам всех и может помочь запустить механизм сотрудничества между Россией и США.

В случае формирования коалиционного правительства оно должно будет получить одобрение со стороны не только Соединенных Штатов, но и соседей, которые жизненно заинтересованы в стабилизации ситуации в Афганистане (Китая, Ирана, Пакистана, стран Центральной Азии). Администрация США открыто говорит о необходимости обеспечения регионального консенсуса в отношении будущего Афганистана. Участие в дискуссии об афганском будущем региональных государств может смягчить те противоречия, которые остаются между Соединенными Штатами и Российской Федерацией.

Сейчас, по моим наблюдениям, существует надежда на компромисс по поводу того, какими будут правительство и власть в Кабуле.

Афганская ситуация, требующая хотя бы временного разрешения и умиротворения, открывает реальную возможность для сотрудничества между США и Россией. Не попытаются ли США, как это бывало ранее неоднократно, обойти на повороте своего партнера? Боюсь, что такое может произойти. Тем не менее, я подчеркиваю, ненадолго, но окно возможностей открывается. США и России следует им воспользоваться в более полной мере, чем в прошлом.

В этой связи вспоминаются события после 11 сентября 2001 г., когда могло быть организовано сотрудничество между США и Россией на антитеррористическом направлении. Ведь президент Путин был первым, кто выразил соболезнования президенту Бушу-мл. и полностью его поддержал.

Я вижу в этом упущенную возможность, так как уже в тот период мы могли начать какое-то совместное движение на чрезвычайно сложном афганском направлении. Иногда Афганистан называют «кладбищем империй». И это так: об него очень много раз спотыкались. А сейчас появился шанс не повторить старых ошибок. Что будет потом – я не знаю. Сейчас это не так важно, ведь после формального установления перемирия и нахождения компромиссов между сторонами наступит новый этап, который тоже потребует сотрудничества внешних сил. Смогут ли они опять его начать – посмотрим.

Мне кажется, для России сейчас афганский вопрос тактически и практически гораздо более значим, чем сирийский. Поэтому внимание к афганскому вопросу должно усилиться. И экспертное сообщество способно сказать по этому поводу свое весомое слово.

Ф.А. Лукьянов

Афганистан, помимо того, что был полем сражения холодной войны, внес в международную политику новый элемент, который когда-то казался побочным, а сейчас вышел на первый план. И он не находится под контролем ни Соединенных Штатов, ни России, как не находился до нее под контролем СССР. Я имею в виду радикальный исламизм как военно-политическую силу. Если в прошлом у кого-то были иллюзии по поводу того, что его можно использовать в своих интересах, то сейчас они полностью развеялись. А между тем эта сила набирает влияние и, судя по всему, «новая холодная война», при всей условности этого понятия, будет отличаться от «старой» своей неконтролируемостью. У руководства Соединенных Штатов еще сохраняется надежда, что можно

взять процесс под контроль. Но, судя по всему, ничего из этого не получится. Афганистан – тому пример.

С удовольствием предоставляю слово профессору Крамеру. Наконец-то мы услышим в этой дискуссии американский голос.

М. Крамер

Российско-американские отношения
и метафора «новой холодной войны»

Название нашего круглого стола – «“Новая холодная война” как концепт и реальность». Мне хотелось бы порассуждать и о том, и о другом. Профессор Гарбузов уже говорил на эту тему, но я предлагаю взглянуть на нее под иным углом.

По-моему, холодная война окончилась за два года до распада Советского Союза, в 1989 г. В последние годы многие ученые и журналисты утверждают, что США и Россия были ввергнуты в «новую холодную войну», опубликована масса статей и книг, провозглашающих ее возвращение. Однако, несмотря на то что метафора «новой холодной войны» теперь широко используется, она вводит в заблуждение и не должна служить основой для анализа внешней политики как США, так и России.

Отношения между ними в последние годы были напряженными и иногда даже враждебными, но эти конфликты несопоставимы с противостоянием эпохи холодной войны, продолжавшейся с середины 1940-х гг. до конца 1980-х гг. Она имела три основные характеристики.

Первая: США и Советский Союз были значительно сильнее любых других стран и поэтому часто характеризовались как сверхдержавы или супердержавы.

Вторая: между двумя сверхдержавами существовал глубокий идеологический разрыв, основанный на противопоставлении марксизма-ленинизма и либеральной демократии.

И третья: большие части мира, прежде всего Европа и значительная часть Азии, были разделены на два конкурирующих лагеря во главе с супердержавами. Это раздвоение было предпосылкой для начала разрушительных войн в Восточной Азии, Африке, Южной Азии, на Ближнем Востоке и в Центральной Америке.

Можно обнаружить несколько исторических периодов, которые напоминают холодную войну. Но период, начавшийся в 2014 г., то есть последние 5 лет, не является одним из них. Все

три основные характеристики холодной войны в настоящее время отсутствуют в международных отношениях.

Во-первых, Россия сейчас не занимает то место в мире, которое занимал Советский Союз. Китай сильнее, прежде всего экономически. США остаются мировой сверхдержавой, а Китай бросает им вызов. Конечно, у России по-прежнему имеется ядерный арсенал, способный нанести катастрофический ущерб США, а огромные запасы природного газа служат рычагом значительного давления на Европу. Тем не менее России не хватает динамизма Китая, и ее общий потенциал не может приблизиться к американскому. Например, даже с поправкой на паритет покупательной способности, российский доход на душу населения составляет всего лишь $\frac{1}{7}$ часть от аналогичного показателя США, а военные расходы России – примерно $\frac{1}{8}$ от американских.

Во-вторых, единственной агрессивной идеологией в мире в настоящее время является радикальный ислам, который популярен лишь у мусульманских меньшинств и никогда не был близок к достижению глобального доминирования. Радикальный ислам никак не связан с напряженностью между Россией и Западом. Хотя Путин иногда говорит об идеологии, особенно когда объясняет внешнеполитические действия, он больше заинтересован в консолидации своей политической власти, чем в разработке последовательной идеологической стратегии, включающей нечто большее, чем общее негодование по поводу западного господства в мире.

И в-третьих, Европа теперь почти полностью включена в НАТО, Европейский союз и другие западные организации. Хотя Украина, Беларусь и Молдова недостаточно глубоко интегрированы в них, а несколько стран на западных Балканах не приняты в НАТО и ЕС, нет ничего подобного тому разрыву, который когда-то существовал между НАТО и Варшавским договором. Почти все европейские страны, которые еще не вступили в западные организации (Босния и Герцеговина, Косово, Македония и другие), стремятся в будущем войти в них.

Иными словами, без этих трех характеристик просто невозможно рассуждать о «новой холодной войне» в научном смысле. Говоря по-английски, сейчас происходит просто *great power rivalry*, т. е. соперничество между великими державами или центрами силы. В современном мире их несколько: Китай, Россия, может быть, Европейский союз в целом или Германия в частности и, конечно, США. Но это не холодная война времен биполярного мира.

Ф.А. Лукьянов

Совершенно согласен с профессором Крамером. Многие отмечают, что формальные параметры, которые определяли противостояние в годы холодной войны, в частности идеологический компонент, сейчас отсутствуют. И это действительно так.

В то же время одна из популярных тем в политической карикатуристике Соединенных Штатов – угроза социализма. Есть масса карикатур, зачастую очень остроумных, о том, как Демократическую партию берут под контроль троцкисты, коммунисты, сандерсисты. И у меня возникает закономерный вопрос: что это за страх такой спустя 30 лет после распада коммунистического Советского Союза? Это первое.

И второе. Профессор Крамер упомянул военное соотношение сил. На самом деле смешно читать и слушать то, что заявляют на Западе о российской угрозе и Путине. НАТО сегодня представляет собой альянс, по своей совокупной военной, политической, экономической, информационной мощи не имеющий аналогов в истории человечества. Откуда эта истерика по поводу того, что «русские что-то разрушают, а мы бессильны это остановить»?

И страх социализма, и страх путинизма проистекает от внутренней неуверенности. Видимо, это и есть самое главное, что отличает сегодняшний мир, поскольку на пике холодной войны каждая из сверхдержав была гораздо более уверена в себе, чем сейчас. Нынешней России это тоже касается, хотя у нас свой генезис неуверенности.

Слово Павлу Руслановичу Палажченко.

П.Р. Палажченко

Лидеры России и США лицом к лицу:
опыт прошлого для современности

Каково значение личных контактов лидеров в отношениях между странами, между великими державами?

Мои мысли на этот счет основаны на собственных впечатлениях 1985–1991 гг. и наблюдениях «со стороны» в последующий период.

Если говорить об этом последующем периоде, то опыт неоднозначный.

Б. Ельцин – Б. Клинтон: с самого начала личная симпатия друг к другу, однако выстроить модель межгосударственных отношений

не удалось. В целом они развивались по нисходящей, с ускорением в конце (Югославия, начало расширения НАТО).

В. Путин – Дж. Буш-мл.: вначале доброжелательность с обеих сторон. На межгосударственном уровне Россия предпринимала шаги, в том числе упреждающие, навстречу США, о которых американцы не просили, предположительно с целью повлиять лично на президента. Однако результата это не дало. Отношения продолжали развиваться по нисходящей, с ускорением в конце (в связи с конфликтом в Грузии). В сухом остатке – США в одностороннем порядке вышли из договора по ПРО. Вышли по-честному. И на том спасибо.

Д. Медведев / В. Путин – Б. Обама: от конструктивного начала и шагов США навстречу России (торможение расширения НАТО, реконфигурация ПРО, выгодный для России договор СНВ) до обвала отношений в 2014 г. Личные отношения – от доброжелательных до резкого похолодания и неприязни, по крайней мере у одной из сторон.

В. Путин – Д. Трамп: взаимная симпатия. Стремление выстроить межгосударственные связи через личные отношения и договориться «по-пацански» о какой-то «большой сделке» (grand bargain). Однако отношения продолжают ухудшаться уже более двух лет.

Итак, личные контакты президентов складывались по-разному, но общая тенденция в отношениях между Россией и США, к сожалению, негативная, на протяжении практически всего этого периода сохранялась.

Как это соотносится с опытом 1985–1991 гг.?

Накануне встречи М. Горбачева и Р. Рейгана в Женеве существовали минимальные ожидания, в том числе в СССР. В статьях аналитиков Г. Арбатова, А. Бовина и других проводилась мысль о том, что с этой администрацией (читай – с этим президентом) ничего не получится, придется ждать следующего.

Первая встреча один на один – острый, идеологизированный «заход» Рейгана (резкая критика марксизма-ленинизма, стремления СССР переделать мир на свой лад). Это крайне необычно для межгосударственных переговоров. Много лет спустя сын американского президента Майкл рассказывал, что Рейган должен был выговориться, он всю жизнь мечтал «все выложить» советскому лидеру. Горбачев сказал членам делегации, что Рейган «настоящий динозавр». Но, когда Л. Замятин стал педалировать эту тему, Горбачев прервал его: «Другого президента у нас нет, его выбрали американцы».

Удалось принять совместное заявление: «Ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей..., стороны не будут стремиться к достижению военного превосходства».

Надо отметить, что перед саммитом М. Тэтчер и Ф. Миттеран на переговорах с Горбачевым давали позитивную оценку Рейгану как человеку, способному договариваться, несмотря на крайне правые политические позиции. От Тэтчер это было ожидаемо, от Миттерана – в меньшей степени (он ссылаясь на высказывания Рейгана на саммите «Большой семерки» в Хьюстоне).

Однако в целом личные отношения не акцентировались. Они складывались постепенно. Были моменты личных трений, взаимного раздражения, острой реакции на шпионские скандалы, высылку дипломатов, заходы американских кораблей в территориальные воды СССР (и их силовое вытеснение) и т. п. В окружении обоих лидеров находились разные люди, которые давали разную информацию и по-разному пытались на них влиять. Об этом сейчас известно больше, чем тогда. Но лидеры удержали курс. Они были во многом противоположностями, но в этом проявили себя одинаково.

Что их сближало, несмотря на большие различия?

Неприятие ядерного оружия не на риторическом, а на сущностном, можно сказать, «клеточном» уровне.

Готовность к переговорам, компромиссу. Почти текстуальное совпадение некоторых высказываний на этот счет. Посол Дж. Мэтлок цитирует ответ Рейгана на слова одного из советников, что, дескать, «русские не хотят соглашаться с нашими позициями»: «Когда я вел переговоры от имени профсоюза киноактеров, я был доволен, если принимали 60–70% наших позиций». Горбачев, в свою очередь, при подготовке к саммиту 1986 г. в Рейкьявике заметил: «Надо учитывать позицию другой стороны, идти навстречу там, где возможно».

Выстраиванию отношений, в том числе личных, способствовало также планомерное ведение переговоров. Хотя в отношениях все взаимосвязано, нельзя доводить это до абсурда, например когда договоры о СНВ и ПРО увязываются с эмиграцией из СССР. Отсюда договоренность о «повестке дня из четырех пунктов» и создания четырех рабочих групп, которые встречались на регулярной основе: по безопасности и разоружению; региональным проблемам; двусторонним отношениям; гуманитарным проблемам и правам человека. Была дана установка: договариваться там, где возможно, ожидая, что прогресс в любой из областей повлияет на общую атмосферу и будет способствовать прогрессу в других областях.

К моменту встречи Горбачева, Рейгана и Буша-ст. на Губернаторском острове осенью 1988 г. отношения, в том числе и личные, существенно улучшились и стали гораздо более дружелюбными. Некоторые люди из окружения Буша даже говорили, что «два старика» (Р. Рейган и государственный секретарь США Дж. Шульц) что-то слишком расчувствовались. В этом, возможно, одна из причин объявленной администрацией Буша «стратегической переоценки», которая продлилась до мая 1989 г. и привела к потере темпа в отношениях.

В дальнейшем отношения между Горбачевым и Бушем в целом складывались по той же модели, что и прежде (акцент не на «личный контакт», а на работу по конкретным проблемам), подвергаясь большим испытаниям (объединение Германии в 1990 г., кризис в Персидском заливе 1990–1991 гг.).

Важным моментом в их развитии стала встреча двух президентов в Хельсинки в сентябре 1990 г. в связи со вторжением иракских войск в Кувейт. Стороны договорились координировать усилия для того, чтобы добиться вывода войск. Других целей (например, смены режима) не ставилось. В итоге американские войска не пересекли границу. Лидеры держали свое слово.

Был достигнут невиданный прежде уровень сотрудничества и доверия, в том числе личного. Об этом свидетельствуют опубликованные записи бесед в Ново-Огарево и Мадриде (июль и октябрь 1991 г.).

Несмотря на срыв перестройки (по причинам внутреннего характера) достижения этого периода неоспоримы. В том числе и для чисто прагматических интересов СССР/России. Так, казалось бы, довольно абстрактная договоренность о совместной концепции стратегической стабильности, зафиксированная в Заявлении по итогам визита М. Горбачева в США летом 1990 г., позволила избежать гонки вооружений в области ПРО и гигантских расходов, которые были бы с ней связаны.

Все это происходило без «заглядывания в душу» и метафорических брудершафтов.

Теперь – к выводам.

Очевидно, что для отношений между нашими странами в постконфронтационный период была характерна бóльшая персонализация, чем прежде. Однако это не привело к реальному партнерству.

В целом, мне кажется, как таковая задача налаживания особых личных контактов и тем более использования их для каких-то «прорывов» в отношениях между государствами не должна ставиться. Возможно, от таких попыток больше вреда, чем пользы, потому

что разочарование – довольно опасная вещь, когда речь идет не об отдельных комментаторах, а о руководителях стран.

Взаимопонимание и определенный уровень доверия между лидерами достигается в процессе упорной работы по решению конкретных проблем и преодолению противоречий в межгосударственных отношениях. Разумеется, роль президентов в этом очень велика. Причем речь идет не только о взаимодействии с партнерами по переговорам, но и о работе внутри своей страны. Например, Д. Трампу при его, возможно, хороших намерениях не удалось создать в США ту коалицию за диалог и переговоры, которую в свое время смог сформировать Р. Рейган. Как мне кажется, на этом направлении существуют проблемы и у нас, правда, они другого рода.

Еще раз хочу подчеркнуть: то, что я сказал, не принижает роль личных отношений, а главное, личного вклада лидеров стран. Она была и остается весьма значимой.

Ф.А. Лукьянов

Я полностью согласен с оценочным суждением, прозвучавшим в конце. Действительно, после того как перестал существовать четко структурированный мир, более ощутимо начал проявляться личностный подход. Это касается не только российско-американских отношений. Если мы посмотрим на ярких лидеров современности, то они накладывают свой индивидуальный отпечаток на двусторонние контакты.

При этом в подтверждение того, что сказал П. Палажченко, можно вспомнить случаи, когда между главами государств существовали очень хорошие, даже дружеские, отношения. Скажем, у В. Путина с канцлером ФРГ Г. Шрёдером, премьер-министром Италии С. Берлускони или президентом Франции Ж. Шираком. Однако это никак не изменило характер отношений России с Евросоюзом.

Что касается Рейгана и Трампа, то для политики и даже мировоззрения первого Советский Союз и Горбачев были очень значимыми. Проблема же с Трампом не в том, любит он Путина или нет. Россия ему совершенно не интересна и не нужна, поскольку существуют страны, которые имеют более развитые торгово-экономические отношения с Соединенными Штатами. И именно эти страны для американского президента значительно важнее, чем Россия. При этом все, чем мы так гордимся, наше оружие и ракеты, у него вызывает подростковую реакцию: «Ой, как прикольно!» Вот и все.

Д. Мэтлок

Это была невероятно интересная дискуссия! Столько моментов, которые хотелось бы прокомментировать! Но выделю два особенно важных, раз уж время подходит к концу.

Прежде всего меня поразило замечание профессора Гарбузова о том, что холодная война закончилась с распадом Советского Союза. Думаю, это глубоко неверно и служит основой того широкого непонимания, которое есть сегодня. Холодная война, в смысле поведения по отношению к другому как к врагу или сопернику, закончилась по крайней мере за два года до того, как распался СССР. Мы, дипломаты, сотрудничали с советскими коллегами в интересах обеих стран в 1990–1991 гг. даже более тесно, чем со многими своими союзниками.

Идея о том, что холодная война закончилась с распадом Советского Союза, приводит к мысли, что он перестал существовать, поскольку проиграл эту войну. Следовательно, такие вещи, как пограничные споры между Россией и Украиной, становятся чем-то вроде отрицания Россией итогов холодной войны. Я согласен с профессором Крамером, который сказал, что холодная война окончилась как минимум за два года до распада Советского Союза. От себя добавлю лишь личные воспоминания – иногда они позволяют вдохнуть больше жизни в вопросы, которые мы обсуждаем.

Для меня стало ясно, что холодная война закончилась, во время встречи Дж. Шульца и Э. Шеварднадзе в ООН в октябре 1985 г. [Обращается к Палашенко]: не знаю, переводили ли Вы в тот момент. Как мы часто делали до этого, Шульц вручил Шеварднадзе список нарушений прав человека в СССР. А. Громыко раньше читал нам длинные лекции о том, что это не наше дело. Шеварднадзе же взял листок, посмотрел на Шульца и сказал: «Джордж, я возьму его с собой в Москву, и, если то, что здесь написано, правда, я приложу все усилия, чтобы это исправить». Потом он сделал паузу и добавил: «Я хочу, чтобы Вы кое-что знали. Я делаю это не потому, что Вы меня попросили, а потому, что это необходимо моей стране». Шульц встал и протянул Шеварднадзе руку со словами: «Эдуард, позвольте Вас заверить: я никогда не попрошу вашу страну сделать то, что не в ее интересах». Они пожали друг другу руки. Тогда для этих двух людей холодная война закончилась.

Могу привести и другие примеры, но после речи Горбачева в ООН 7 декабря 1988 г. не было больше идеологической холодной войны, потому что он покончил с международной классовый борьбой как основой советской внешней политики.

И еще хочу подчеркнуть, что Рейган был одним из немногих наших президентов, кто понял разницу между Россией и Советским Союзом. Нашим врагом был коммунизм, а не Россия.

Второй момент, который я хотел бы обсудить. Идет ли холодная война сегодня? В плане пропаганды с обеих сторон определено, да. Некоторые говорят, что это даже более опасно, чем во время «классической» холодной войны, поскольку тогда мы не делали друг из друга врагов в том смысле, что мы могли думать о советской системе как об угрозе, но не было той русофобии, которая есть сейчас.

Полагаю, что настоящая проблема – это возвращение к чему-то, что очень напоминает соревнование великих держав. Наши правительства не сделали никаких выводов из прошлого. Соревноваться в том, кто какую территорию контролирует, в ядерный век безрассудно, поскольку может поставить нас всех на грань самоуничтожения. Меня это серьезно беспокоит, и я уверен, что и наше, и следующие поколения, решая международные проблемы, должны сотрудничать.

Я не согласен с тем, что мир когда-то был биполярным. Вряд ли он вообще может таким быть. Если он и был биполярным, то в том смысле, что каждая из наших стран могла уничтожить мир. Это то, что мы хотели сделать? Могли ли мы менять правительства других стран, ход жизни других людей, принуждать их иметь такие же убеждения, как у нас? Нет! Мы не управляли миром, ни Соединенные Штаты, ни Советский Союз. Это была иллюзия.

Знаете, распад Советского Союза был поражением для дипломатии США и НАТО. Все наши лидеры в то время пытались помочь Горбачеву удержать республики Советского Союза в составе добровольной федерации или конфедерации. У него была поддержка каждого из них. Вот еще одна причина, по которой мы не должны заявлять, что холодная война завершилась с распадом СССР.

Сегодня возросшая напряженность вышла на новый технологический уровень, особенно в военной сфере. И мы не сможем разобраться с возникающими глобальными вызовами и угрозами, если не будем сотрудничать. Другое дело, что одного российско-американского взаимодействия для этого уже недостаточно. Нужна глобальная кооперация, включая Китай и Индию. И к этому я всех призываю!

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327.54

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-60-77

Роль народной дипломатии в окончании холодной войны

Антон С. Панов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, anton.panov.fmoizr@gmail.com*

Сара Линдемманн-Комарова

Новосибирск, Россия, ECHOSiberia@gmail.com

Виктор Н. Алексеев

*Средняя общеобразовательная школа № 10, Кунгур, Россия,
asodr@mail.ru*

Виктор В. Сиднев

*Корпорация развития Зеленограда, Москва, Россия,
sidnev77@gmail.com*

Роберт Х. Макдональд

*Средняя общеобразовательная школа № 3
с углубленным изучением английского языка, Жуковский, Россия,
jrhm2@bellsouth.net*

Аннотация. В марте 2019 г. в рамках международной конференции РГГУ «Поворотные моменты в окончании холодной войны: взгляд с Запада и Востока, 1989–2019» прошла секция «Роль народной дипломатии в окончании холодной войны». Ее участники, гражданские дипломаты из России и США, поделились своим опытом организации и участия в проектах, целью которых стали контакты между простыми людьми, жившими по обе стороны Атлантики, что способствовало окончанию холодной войны в их умах и сердцах. В данной статье собраны их воспоминания.

© Панов А.С., Линдемманн-Комарова С., Алексеев В.Н.,
Сиднев В.В., Макдональд Р.Х., 2019

Общей чертой свидетельств гражданских дипломатов является осознание ими важности принятия инационального «Другого» в США и России в процессе переосмысления наследия холодной войны. Блоковое противостояние закончилось не только усилиями профессиональных политиков, подписавших межгосударственные соглашения, но и благодаря деятельности частных лиц, способствовавших улучшению образа русских в США и американцев в России.

Ключевые слова: холодная война, народная дипломатия, гражданская дипломатия, Россия, СССР, США

Для цитирования: Панов А.С., Линдемман-Комарова С., Алексеев В.Н., Сиднев В.В., Макдональд Р.Х. Роль народной дипломатии в окончании холодной войны // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 4. С. 60–77. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-60-77

People-to-people diplomacy and the end of the Cold War

Anton S. Panov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
anton.panov.fmoizr@gmail.com*

Sarah Lindemann-Komarova

*Independent Researcher Novosibirsk, Russia,
ECHOSiberia@gmail.com*

Viktor N. Alekseev

School № 10, Kungur, Russia, asodr@mail.ru

Viktor V. Sidnev

*Zelenograd Development Corporation, Moscow, Russia,
sidnev77@gmail.com*

Robert H. McDonald

*School № 3 with in-depth study of English, Zhukovskiy, Russia,
jrhm2@bellsouth.net*

Abstract. In March 2019, at the Russian State University for the Humanities, in the framework of the international conference “Turning Points at the End of the Cold War: A Look from the West and from the East, 1989–2019,” the section “The Role of Public Diplomacy in Ending the Cold War” was held.

Its participants, civilian diplomats from Russia and the United States, shared their experience of organizing and participating in projects aimed at contacts between the ordinary people who lived on both sides of the Atlantic – the contacts that contributed to the end of the Cold War in the minds and hearts of these people. The article collects their memories.

A common feature of the testimonies of civilian diplomats is their recognition of the importance of accepting the foreign “Other” in the United States and Russia in the process of experiencing the legacy of the Cold War. The block confrontation ended not only with the efforts of professional politicians who signed interstate agreements, but also thanks to the activities of those individuals who helped to improve the images of Russians in the USA and Americans in Russia.

Keywords: Cold War, people-to-people diplomacy, citizen diplomacy, Russia, USSR, USA

For citation: Panov, A.S., Lindemann-Komarova, S., Alekseev, V.N., Sidnev, V.V., McDonald, R.H. (2019), “People-to-people diplomacy and the end of the Cold War”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*. No. 4. pp. 60-77. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-60-77

Введение

«Можно ли ожидать того, что обычный человек сможет принять участие в планировании, разработке и выполнении [государственной] внешней политики?» – еще в 1949 г., на заре холодной войны, вопрошал Джеймс Маршалл, член национальной комиссии США по делам ЮНЕСКО [Marshall 1949, p. 84]. История противостояния СССР и США демонстрирует, что люди, не являющиеся профессиональными дипломатами, сыграли важную роль в приближении его окончания. Холодная война была завершена не только тогда, когда два военно-политических блока и его лидеры пришли к подписанию соглашений, урегулировавших межгосударственную напряженность, но и когда народы, оказавшиеся по разные стороны от «железного занавеса», перестали видеть в воображаемых «Других» врагов. В этот процесс гражданские дипломаты внесли весомый вклад. Своим примером они продемонстрировали, что за любым американцем или русским стоит прежде всего просто человек.

27 марта 2019 г. в рамках международной конференции РГГУ «Поворотные моменты в окончании холодной войны: взгляд

с Запада и Востока, 1989–2019» прошла секция «Роль народной дипломатии в окончании холодной войны», нацеленная на изучение того, как холодная война завершалась в сознании людей по обе стороны Атлантики. Калейдоскоп историй граждан России и США, исполнявших роли дипломатов, показывает, насколько многогранным может быть изучение истории международных отношений.

В данной статье представлены личные впечатления российских и американских гражданских дипломатов, которые в период 1980–2000-х гг. пытались сделать мир и отношения между двумя странами лучше.

Сара Линдемманн-Комарова впервые оказалась в СССР в 1988 г., затем поступила в аспирантуру в Новосибирске и осталась в стране. Впоследствии она связала свою жизнь с гражданским активизмом, участвуя в организации программ обмена между Россией и США¹. В ее тексте представлен краткий экскурс в историю российско-американских программ гражданской дипломатии в Сибири, что задает тон всей статье.

Виктор Николаевич Алексеев – учитель английского языка в средней школе № 10 г. Кунгур. В 1989 г. он отправился в США по программе «Гражданская дипломатия», одного из первых проектов по обмену активистами между Соединенными Штатами и Советским Союзом. После своего возвращения из-за океана Алексеев продолжил свое участие в гражданских межгосударственных инициативах.

Виктор Владимирович Сиднев, российский общественный и политический деятель, предприниматель и магистр игры «Что? Где? Когда?», в конце 1980-х гг. принял участие в программе академического обмена, отправившись в Калифорнию работать учителем математики в школе.

Роберт Макдональд из г. Чаттануга, штат Теннесси, впервые оказался в России в начале 1990-х гг. и с тех пор связал свою жизнь с этой страной. Вот уже более 10 лет он ведет курс американистики в школе № 3 с углубленным изучением английского языка в г. Жуковский.

¹Что в русском характере? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2015. 28 нояб. URL: https://aif.ru/society/opinion/chto_v_russkom_haraktere (дата обращения 29 сент. 2019).

Sarah Lindemann-Komarova
(*Сара Линдемманн-Комарова*)
Snapshots of Citizen Diplomacy in Siberia
(программы гражданской дипломатии в Сибири)

This report focuses one region, Novosibirsk, the third largest city in Russia and home to Akademgorodok, the university and scientific center 30 km from the city. The following are snapshots from a rich history.

Wave One 1986–1994: Peace and opportunity were key motivators during this period characterized by self-financing and exchanges where Americans and Russians hosted each other.

Sister Cities: Minneapolis 9th grader Brad Shogren decided to study Russian after watching “The Day After”, a 1983 TV movie about a family surviving nuclear winter. In 1988, he spent his New Year holiday in Novosibirsk as part of the first Minneapolis/Novosibirsk Sister City exchange. Over the next few years Brad, his brother, and friends took turns hosting and being hosted by people from Akademgorodok. In 1996, as a result the Shogren’s opened NY Pizza, the first US style pizza parlor in the region. There are now 12 NY Pizza’s in Novosibirsk. Kuzina, a bakery launched in 2010, has over 30 branches in Russia and one in Minneapolis².

Earthstewards: Natasha Kiruchuk, a programmer at an Akademgorodok institute, got interested in citizen diplomacy in 1986 when her daughter Masha was invited to join a “computer kids” exchange program to the US. It was hosted by Seattle based Earthstewards organization founded by peace activist Danaan Perry. Russian parents were responsible for organizing the return visit by Americans. Interested in continuing the exchanges, Kiruchuk helped create an NGO, “Diplomacy Through Families” (DTF). Several exchanges followed with Americans coming to Novosibirsk (Gardeners for Peace) and Russian children going to America (Peace Trees). The final partnership project was in 1990, a month long Russian language study program at the University. Earthstewards was responsible for the Americans and DTF for host families.

Perry spoke about the value of their efforts, “There may not be any hard data on the impact of this work, but we’ve got a lot of *heart*-data. Things like Soviets coming here and us going there over several years now that paint the picture of a peaceful and supportive relationship with one another”³. The heart data turn into hard data in 1995 when

² Interview with Brad Shogren, February 2019.

³ AtKisson, A. (1991), *In the Service of the Heart. The Earthstewards Network cracks open long-closed doorways and invites the world to pass through*

an American participant in the language program and her Russian host received \$2 million from US AID to establish the Siberian Civic Initiatives Support Center (SCISC)⁴, still the largest civil society development foundation in Siberia.

Stanford/Novosibirsk Exchange: The Reykjavik Summit inspired the creation of the Stanford-Soviet Exchange Program in 1987. Groups of 14 Stanford students went to Novosibirsk State University (NSU) and 14 NSU students to Stanford for 2 week visits. The Stanford Daily⁵ documents the challenges related to citizen diplomacy exchanges in the early days from last minute delays when no Aeroflot tickets were available to Stanford students being arrested by the KGB and charged with “trafficking of illegal drugs”. Most participants’ observations related to education. A Stanford Senior discovered that Soviets are very similar to Americans, “They laugh like us, they have the same interests, they care about their education”⁶. NSU’s Victor Emel’yanov was surprised to find out that “American students cram more, while Russian students usually study for longer intervals”⁷.

The program ended in 1992 but the memories continue to be important to some of the participants. In 2017 Emel’yanov, now head of Hewlett Packard’s Siberian office, and a Stanford program alumna organized a virtual 25th reunion. He still remembers the excitement and not being impressed by the houses or shops, “What I got most out of the

to the other side. An Interview with Danaan Parry and Dwight Wilson, Context Institute, [Online], available at: <https://www.context.org/iclib/ic28/parry/> (Accessed 29 Sept 2019).

⁴ SCISC site, [Online], available at: <http://scisc.ru/> (accessed 29 Sept 2019).

⁵ Stanford Daily Program related articles, [Online], available at: <https://stanforddailyarchive.com/cgi-bin/stanford?a=q&hs=1&r=1&results=1&txq=Novosibirsk+State+University&txf=txIN&ssnip=txt&o=20&dafdq=&dafmq=&dafyq=1989&datdq=&datmq=&datyq=1993&e=-----en-20--1--txt-txIN-----> (Accessed 29 Sept 2019).

⁶ Schneider, W. (1990), “Soviets arrive on the Farm. Exchange students from Siberia experience Stanford life”, *The Stanford Daily*, vol. 197, issue 42, 24 Apr, [Online], available at: <https://stanforddailyarchive.com/cgi-bin/stanford?a=d&d=stanford19900424-01.2.2&e=-----en-20--1--txt-txIN-----#> (Accessed 29 Sept 2019).

⁷ Wu, P. (1992), “Russian students experience life on Farm”, *The Stanford Daily*, vol. 201, issue 44, 23 Apr, [Online], available at: <https://stanforddailyarchive.com/cgi-bin/stanford?a=d&d=stanford19920423-01.2.12&srpos=1&e=--1989---1993--en-20--1--txt-txIN-Novosibirsk+State+University-----> (Accessed 29 Sept 2019).

trip was understanding that people are people, I assumed we would be different in some way”⁸.

Wave Two 1995–2012: Citizen Diplomacy morphed into soft power politics. The US government and private foundations established many programs mostly bringing Russians to the US for short and long-term study tours. Some smaller programs requiring self-financing for travel and home stays continued to exist with limited US government support for administrative costs. There were fewer programs supporting Americans to come to Russia and interest overall in Russia diminished after 9/11.

*Samantha Smith Foundation (SSF)*⁹: Smith was 10 years old in 1982 when she wrote a plea for peace to USSR General Secretary Andropov. In a surprise reply, he invited her to attend the Artek summer camp and Smith’s charisma made her an international star. In 1985, she was killed in a plane crash and the Foundation was established. 1994–95, 5 NSU students paid airfare to America for SSF business internships. Denis Ivanov reflected on his experience, “This was one of the most important experiences in my life because it showed me the whole life of a business person from waking up to working out after work. I also saw that they fired people for smoking or talking on the phone too much on company time. And, I went to my first coffee house”¹⁰. In 2004, Ivanov opened his first “Cup of Coffee” at the Novosibirsk Airport. His company now has more than 30 coffee shops and restaurants in Novosibirsk and Moscow and according to Ivanov, “I’m just getting started”.

US AID Citizens Initiative Project: SCISC was part of the US govt. civil society support project in Russia. Due to its roots in citizen diplomacy, SCISC applied a grassroots orientation to organizing study trips. In 1996, instead of visiting large NGOs in Washington, program manager Nikolai Slabzhanin went to Portland Maine. His epiphany came visiting Chebeague Island where the 300 year round residents organized a volunteer fire department and library. He returned and launched a volunteer movement in Siberia. Today, Slabzhanin is the Executive Director of SOS Children’s Villages, “When they call me from Syria and we discuss how to help children traumatized by war, we do not have different countries, no politics except the politics of human contact, real diplomacy, the world that was opened to me when I was invited to Chebeague Island”¹¹.

⁸ Interview with Viktor Emel’yanov, March 2019.

⁹ SSF site, [Online], available at: <https://www.samanthasmith.info/index.php/foundation> (Accessed 29 Sept 2019).

¹⁰ Interview with Denis Ivanov, February 2019.

¹¹ Interview with Nikolai Slabzhanin, March 2019.

Wave Three 2013-Current: This period is characterized by increasing tensions between the US and Russia. As a result:

The ending of funding for many US programs in Russia but some exchange programs continue to operate such as Fulbright.

A revival of interest by Americans to visit Russia to see for themselves what is happening.

An increase in Russian soft power support for citizen diplomacy programs, educational exchanges and programs. These include the Presidential Grant Competition for “Development of public diplomacy and support for compatriots”¹² and the Top 5-100 Program¹³ that provides funding for globalization of universities.

Grassroots initiatives have been revived (CCI, the only Wave 1 grassroots group still active in Novosibirsk, citizen diplomacy trips¹⁴ will bring self-financed Americans to 30 Russian regions) or started (NSU Alumni Union won a Presidential Grant for a citizen’s diplomacy project targeted at graduates living abroad)¹⁵.

In this wave, US and Russian citizen diplomats must contend with considerable head winds from officials and a skeptical public being fed in large part by a biased media on both sides. In 2018, the NSU Head of International Relations reported that Americans were the #1 foreign group at the University in the 90s, today the Chinese are #1 and French #2¹⁶. A 2019 Fulbright Fellow described relationships with British, Italian, and Syrian students at NSU. She met only one American¹⁷.

¹²Presidential Grant Competition site, [Online], available at: <https://президентскиегранты.рф/public/contest/index> (Accessed 29 Sept 2019).

¹³Russian Project 5-100, [Online], available at: https://english.nsu.ru/about_NSU/russian-project-5-100/ (Accessed 29 Sept 2019).

¹⁴CCI Program site, [Online], available at: <https://ccisf.org/> (accessed 29 Sept 2019).

¹⁵NSU Alumni Union Presidential Grant, [Online], available at: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=6CC7CCA6-F015-4BE0-9237-477D49189025> (Accessed 29 Sept 2019).

¹⁶Interview with Evgenii Sagaidak, March 2018.

¹⁷Interview with Sarah Weiser, February 2019.

В.Н. Алексеев

Гражданская дипломатия как фактор окончания холодной войны: свидетельства очевидца

Гражданская дипломатия была и остается одним из наиболее эффективных путей для установления дружеских отношений между народами Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки.

Я являюсь гражданским дипломатом на протяжении 30 лет.

В 1989 г. мне посчастливилось попасть в первую группу советских людей, которые отправились в США по программе «Гражданская дипломатия», организованной американским Центром гражданских инициатив (руководитель – Шерон Теннисон). В СССР этот проект курировался газетой «Комсомольская правда», которая для отбора кандидатов провела конкурс «Мое открытие Америки». Я принял участие в этом конкурсе и оказался в числе сорока победителей.

Итак, нас было 40 человек, все из разных республик СССР, говорящие на английском языке. Когда мы прибыли в Нью-Йорк, нас разбили на восемь «пятерок», у каждой из которых был свой маршрут. Наша «пятерка» посетила Калифорнию, Техас, Флориду, Вашингтон и Нью-Йорк. В каждом штате мы жили в семьях, где воочию увидели быт американских людей, завели много друзей и знакомых. Самое главное, мы имели десятки встреч с людьми из разных социальных слоев – от безработных до мэров городов и сенаторов. В глазах американцев мы видели неподдельный интерес к нашей стране. На каждой встрече мы отвечали на множество вопросов и строили «мосты» дружбы и взаимопонимания.

Золотое правило гражданской дипломатии гласит: «То, что не могут сделать президенты, могут сделать простые люди». И мы делали это.

Спустя три недели все участники нашей группы встретились в Нью-Йорке и обменялись впечатлениями о поездке. Мы были воодушевлены увиденным и стремились домой, чтобы донести эту информацию до соотечественников. Так и получилось. По возвращении в течение года в родном городе я встречался с коллегивами школ, больниц, предпринимателями и журналистами и делился своими впечатлениями о незабываемом путешествии в США и гостеприимных американцах. Спустя два года, благодаря моей поездке, в Кунгур началось паломничество из США. Это были христианские миссионеры, представители бизнеса, врачи и учителя, студенты и спортсмены. Я оказался тем самым «линком»

(связующим звеном), с помощью которого завязались дружеские контакты, и все больше и больше американских и русских начинали дружить и обмениваться визитами. Так продолжалось до 1998 г., когда отношения между нашими странами начали ухудшаться. Затем, в течение 16 лет, наблюдалась их стагнация, а за последние три года они резко ухудшились.

Три года назад я получил послание от госпожи Шерон Теннисон, с которой поддерживал контакты в течение всех этих лет. Выражая обеспокоенность состоянием отношений между двумя странами, она писала: «Снова пришло время гражданской дипломатии». За последние два года эта женщина-активист направила в Российскую Федерацию две группы американских гражданских дипломатов и приняла аналогичную группу из России.

Трое американцев из второй группы были в прошлом году в Кунгуре, где проводили встречи с жителями нашего города. Они посетили колледжи, школы, монастырь, общались с представителями бизнеса и СМИ. Американцы воочию увидели громадный интерес русских людей к США. Они поняли, что и русские, и американцы хотят жить в мире и строить между собой искренние и дружеские отношения. Одна из американок, госпожа Вирджиния Эйкок, даже предложила писать письма жителям г. Кунгура через городскую газету «Искра» и отвечать на их вопросы. И это удалось организовать. Каждый месяц уже на протяжении года Вирджиния присылает свои письма в газету, рассказывая о жизни в США и отвечая на многочисленные вопросы читателей. Это ли не пример настоящей гражданской дипломатии?

В настоящее время г. Кунгур живет в ожидании приезда новой группы американских гражданских дипломатов. Подготовлена программа их пребывания, которая включает в себя встречи с людьми и посещение памятных мест.

Весной 2020 г. Ш. Теннисон планирует организовать аналогичную группу россиян для поездки в США. Среди студентов и школьников Кунгура уже проводятся конкурсы на знание английского языка и страноведения.

Итак, гражданская дипломатия действует. Я уверен, что наряду с другими механизмами улучшения российско-американских отношений она служит одним из самых эффективных методов, способствуя снятию напряжения на нашей планете, чтобы будущие поколения жили в мире, дружбе и согласии.

В.В. Сиднев

Как я работал учителем в Калифорнии

История школьных обменов между Троицком и Калифорнией началась в 1987 г. Это было время, когда Интернет делал только первые шаги, и в условиях полного отсутствия личной коммуникации мы с американцами казались друг другу людьми с разных планет.

Конечно, основными бенефициарами наших обменов стали дети: за историю наших обменов около 1000 троицких школьников посетили Калифорнию в рамках программы. Это предопределило жизненный путь многих из них, повлияло на формирование жизненных ценностей.

Но и взрослым было чему поучиться друг у друга. Один из организаторов с американской стороны – адвокат Билл Гейген – на следующий год после первого приезда в СССР привез к нам в рамках обмена всю свою семью. Когда я спросил о его мотивах, он сказал, что сделал это ради своих детей. «Я рос в небогатой семье, и мои родители говорили мне: “Билл, ты должен хорошо учиться в школе. Тогда ты сможешь поступить в хороший университет, получить хорошее образование, найти хорошую работу и в результате стать богатым и счастливым”. Полностью реализовав эту программу, заложенную в меня родителями, теперь я не могу сказать то же самое моим детям, поскольку попадаю в 2% самых богатых американцев. Предложив им жить по той же программе, я, скорее всего, обреку их на неудачу и разочарование, потому что главное для человека не материальный недостаток, а самореализация. Недостижение жизненных целей – огромная трагедия. Я привез сюда своих детей, потому что хочу показать им: чтобы быть успешным и счастливым, совсем необязательно быть богатым в американском смысле этого слова. В Советском Союзе я встретил людей счастливых и самодостаточных, не ставящих целью своей жизни достижение богатства».

С тех прошло 30 лет, и многие представители нашей элиты, ставшие богатыми и супербогатыми в современной России, вдруг столкнулись с тем, что их дети не готовы идти по пути родителей, сохраняя и приумножая накопленные ими материальные богатства. Думаю, Билл Гейген мог бы помочь им советом.

А тогда возникла идея организовать обмен американского и русского учителей на весь учебный год. Нам казалось, что это поможет нашим школьникам лучше понять другую страну, преодолеть стереотип мышления, сформированный многими годами

государственной пропаганды, и в результате осознать смысл происходящего в советско-американских отношениях в тот период.

Проблема состояла в том, что в Калифорнии не нашлось русскоговорящего учителя, который мог бы работать в советской школе. Учительница математики из *San Ramon High School* согласилась приехать на год в Россию и преподавать в Троицке математику факультативно на английском языке. Но в Троицке не нашлось учителя математики, который готов был бы преподавать свой предмет на английском для студентов *San Ramon High School*. Троицк – это научный центр, поэтому там много ученых-физиков и математиков, неплохо знающих профессиональный английский. Пришлось просить руководителей научных институтов помочь с подбором учителя для работы в Калифорнии. Когда мне предложили такую возможность, я с радостью согласился.

Учительский обмен начался в исторический момент, сопровождавшийся сразу двумя катаклизмами: я приехал в Калифорнию через неделю после землетрясения Лома-Приета (17 октября 1989 г.) и за две недели до падения Берлинской стены. В землетрясении погибли 62 человека, тысячи были ранены. К моему приезду его психологические последствия еще были сильны. Дети боялись находиться в школе, когда ощущали даже небольшие толчки (а в Калифорнии немного трясет практически каждый день). Регулярно проводились учения по эвакуации на случай сильных толчков. Однако именно это помогло мне освоиться на начальном этапе: тогда было не до русского учителя, а я просто делал то, что нужно, вместе со всеми.

Зато падение Берлинской стены породило всеобщий энтузиазм и сделало меня объектом всеобщего внимания и учителей, и школьников. Каждый считал своим долгом поздравить меня с этим событием, словно я лично эту стену и разрушил. Это помогло мне наладить хороший контакт с учительским сообществом и целиком погрузиться в школьные будни.

Вскоре я столкнулся с реалиями жизни американских учителей: в школе началась подготовка к их забастовке. Процесс этот занял около полугода, включая рассмотрение в суде законности ее проведения, долгие переговоры профсоюза учителей со Школьным департаментом и голосование учителей. Часть из них требовала увеличения зарплат в текущем году, но Школьный совет, состоявший в основном из неработающих мам детей из обеспеченных семей, высказался категорически против, поскольку это могло привести к сокращению числа учителей в следующем учебном году. Сам я принял участие в забастовке, однако многие из моих аме-

риканских коллег отказались это сделать, т. к. за это время теряли существенную часть своей зарплаты, что лишало их семьи поездки на отдых в период летнего отпуска. Удивительным для меня было то, что требования учителей поддержало большинство учащихся и родителей. Родители не приводили детей в школу, хотя на замену бастующим Школьный департамент временно нанял других преподавателей. Конфликт между участниками забастовки и теми, кто остался на работе, был глубоким: в первый день ее проведения в него даже пришлось вмешаться полиции.

Я преподавал математику различного уровня для школьников 10–12-го классов. На мой взгляд, преподавание математики и физики в советских школах было гораздо лучше, чем в американских. Например, на одном из первых занятий я дал своим ученикам задачи по математике, которые советским школьникам предлагались на вступительных экзаменах в Физтех и МГУ. Оказалось, ни один из американских старшеклассников не в состоянии решить такие задачи. И не потому, что они не обладают достаточными для этого знаниями. Американский школьник ориентирован на тесты. Ему надо решить около 100 задач всего за два часа. Поэтому его специально учат: не решил задачу за несколько минут – бросай ее и решай следующую. При поступлении в советский университет школьнику отводилось на решение каждой задачи около часа (5 задач за 4 часа). Это означает, что он должен был не только обладать определенными знаниями, но и уметь применить их для поиска решения сложной задачи. В целом американская система образования ориентирована на то, чтобы вытянуть на средний уровень слабых учащихся, но при этом она тянет вниз способных. Например, у меня в классе был корейский мальчик, которому Юнис (так звали учительницу, которая по обмену преподавала в России) поставила D по математике (что в советской школе соответствует тройке). Но я обратил внимание, что он был единственным в классе, кто старался и был способен решить сложные задачи сверх программы. Я стал давать ему такие задачи и ставить дополнительные баллы за их решение. Вскоре он стал лучшим по математике в классе, а потом и в школе. Оказалось, что он был на голову способнее своих одноклассников в математике, и на уроках ему было просто неинтересно. В конце учебного года ко мне с благодарностью пришел его отец, который очень расстраивался из-за слабых оценок сына в математике и считал, что он не способен к точным наукам.

Об этом я рассказывал на заседании Школьного совета, где меня попросили выступить в конце учебного года. Тогда мне казалось, что советская система преподавания математики имеет

очевидные преимущества при подготовке талантливых ребят. Но сегодня в России тоже внедрена система тестов (ЕГЭ), и споры о ее эффективности не утихают все эти годы.

В июне 1989 г., в последний день учебного года, ученики подарили мне на прощанье футболку с надписью “Say ‘Hello’ Gorby!” и своими автографами. Ее я храню до сих пор. До распада Советского Союза оставалось около полутора лет.

В августе 1991 г. я провел три ночи среди защитников Белого дома в Москве, а уже в декабре СССР престал существовать. Работа в Америке сильно повлияла на мою дальнейшую жизнь. Познакомившись в Калифорнии с людьми, которые начали и успешно развивали свой бизнес, я стал заниматься высокими технологиями: создал успешную телекоммуникационную компанию в области широкополосного Интернета, затем 8 лет был мэром города Троицка. После этого опять вернулся к занятиям инновациями на стыке науки и бизнеса, считая, что в XXI в. только инновационная экономика может сделать Россию конкурентоспособной в глобальном мире.

R.H. McDonald (P.G. Макдональд)
American Studies in Russian Middle School
(Американистика в российской средней школе)

Much of the Cold War grew from misunderstandings and lack of understanding on the part of the USA and NATO powers and people and of Russians of each other.

Living in Tennessee, I myself never met a Russian until I was over 20 years of age. When I was eight years old, my father, the National Chairman of the Young Republicans, told me “If the Russians (not Soviets) come, they will kill me very quickly, for I am a capitalist and a Republican”.

In about 2006, teachers at Zhukovskii School #3 asked me to converse with students, since I was a native English speaker. About a year later, Valentina Mikhailovna Vasil'kova, an English teacher at School #3 in Zhukovskii, asked me to teach one lecture each week of American Studies to 11th form pupils at their English Language magnet school.

We basically cover American history, geography, and politics chronologically. The school has placed very few limits on what I should teach, and has freely changed the structure of the lectures whenever I requested it.

I requested that there be two 45 minute lectures about the American Aborigines, whereas Valentina's syllabus included just one. A single

lecture is not enough for 15,000 years, hundreds of languages and cultures, settlers from Siberia, and also China and Polynesia, population collapse from European diseases, slaughter at gunpoint, deportation from the states of Tennessee and Georgia (where I am from). And for the rebirth and re-collectivization in recent years, drawing from the Indians' religions and sense of community, and drawing from Martin Luther King, whose ideas came from Mahatma Gandhi, who applied the writings of Lev Nikolaevich Tolstoi. I emphasize points where American and Russian histories interconnect, whether it be the Russian settlement in Fort Ross, California; (when the American tells Russian 16 year olds about *Juno and Avos*), the relationships between the Russian fur traders and the Aborigines, which were friendlier than those between the Aborigines and the Spanish, who sought gold, glory, and converts to the Roman Catholic "God", or the English, who sought living space.

I also requested that we discuss about the American Constitution just after we discuss the American Revolution for independence from Great Britain. Pupils learn that the USA, after leaving behind totalitarian colonialism, initially reacted by creating a government with insufficient central authority, perhaps like their own country 30 years ago. The Articles of Confederation and Perpetual Union, guided our country for 9 years, before our Constitution, with its "Separation of Powers" defining the powers and tasks of individual government branches and "Checks and Balances" limiting the power of those branches, and Devolution, closing out our Bill of Rights, our first 10 Amendments, constraining the power of Federal, State, and local governments.

I avoid political matters, but I have enjoyed pupils' reactions when I ask if Russia can have a female president. Pupils also learn of American Isolationism at the beginning of World War II. Pupils in the Aviation City of Zhukovskii learn that the American pilot "Lucky Lindy" – Charles Lindbergh, respected as the Russian pilot Chkalov, thought highly of NAZI developments in aviation, and admired much that the NAZIS had done. Pupils can see the USA's present military heavy-handedness as being partly a reaction to having been overly isolationist in the 1930's.

Lectures include a lot of question and answer time: Russian pupils speaking with me in English is one of our goals.

I have really enjoyed sharing my knowledge of the USA and the Americas with young Russians. I enjoyed preparing for lectures by learning and travelling to Philadelphia, home of our Constitution, and to the home of Thomas Jefferson, where the first voice I heard was a Russian-speaking tourist teaching American history to her daughter!

Even Russian pupils who do not take the course at Zhukovskii School #3 know far more about the USA than American pupils know about Russia.

When I read American media's present angry words about "Russia", when I hear Russian media speak angrily about the USA, I hope that efforts of friends and pupils to learn more about out countries, in some small way, turns us away from Cold War II, and even more, from a Hot War.

Заключение

Джеффри Кован и Амелия Арснолт, исследуя феномен публичной дипломатии в современном мире, приводят три ее концептуальные формы: монолог, диалог и коллаборация. Третья считается наиболее эффективной по той причине, что она не только вовлекает стороны в коммуникативный процесс, но и способствует созданию новых сфер сотрудничества. Одним из самых перспективных направлений межгосударственных коллабораций является гражданская дипломатия [Cowan, Arsenault 2008, pp. 21–22].

Воспоминания С. Линдемманн-Комаровой, В.Н. Алексеева, В.В. Сиднева и Р. Макдональда наглядно демонстрируют, насколько важным был человеческий фактор в окончании холодной войны. Противостояние России и США будет продолжаться ровно столько, сколько оно длится в умах людей. Налаживание отношений между государствами невозможно без готовности народов двух стран слушать и слышать друг друга, а также без их стремления к взаимному узнаванию. Свою главную миссию наши герои, гражданские дипломаты, видели и продолжают видеть в помощи русским и американцам понять и принять «Другого».

Литература

- Cowan, Arsenault 2008 – *Cowan G., Arsenault A.* Moving from monologue to dialogue to collaboration: the three layers of public diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. P. 10–30.
- Marshall 1949 – *Marshall J.* International affairs: citizen diplomacy // The American Political Science Review. 1949. Vol. 43. No. 1. P. 83–90.

References

Marshall, J. (1949), "International Affairs: Citizen Diplomacy", *The American Political Science Review*, vol. 43, no. 1, pp. 83–90.

Cowan, J. and Arsenault, A. (2008), "Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy", *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 616, pp. 10–30.

Информация об авторах

Антон С. Панов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; anton.panov.fmoizr@gmail.com

Сара Линдемманн-Комарова, независимый исследователь, Новосибирск, Россия; 630090, Россия, Новосибирск, Морской пр., д. 60/10; ECHOSiberia@gmail.com

Виктор Н. Алексеев, кандидат педагогических наук, средняя общеобразовательная школа № 10, Кунгур, Россия; 617470, Россия, Пермский край, г. Кунгур, ул. К. Маркса, д. 23; asodr@mail.ru

Виктор В. Сиднев, кандидат физико-математических наук, Троицкий инновационный кластер, корпорация развития Зеленограда, Москва, Зеленоград, Россия; Россия, 124482, Москва, Зеленоград, ул. Юности, д. 8; sidnev77@gmail.com

Роберт Х. Макдональд, средняя общеобразовательная школа № 3 с углубленным изучением английского языка, Жуковский, Россия; 140180, Россия, Московская обл., г. Жуковский, ул. Ломоносова, д. 13; jrhm2@bellsouth.net

Information about the authors

Anton S. Panov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; anton.panov.fmoizr@gmail.com

Sarah Lindemann-Komarova, Independent researcher, Novosibirsk, Russia; bld. 60/10, Morskoy av., Novosibirsk, Russia, 630090; ECHOSiberia@gmail.com

Viktor N. Alekseev, Cand. of Sci. (Pedagogy), School no. 10, Kungur, Russia; bld. 23, K. Marx Str., Kungur, Perm region, Russia, 617470; asodr@mail.ru

Viktor V. Sidnev, Cand. of Sci. (Physics and Mathematics), Troitsk Innovation Cluster, Moscow State Enterprise “Zelenograd Development Corporation”, Moscow, Zelenograd, Russia; bld. 8, Yunosti Str., Moscow, Zelenograd, Russia, 124482; sidnev77@gmail.com

Robert H. McDonald, school no. 3, Zhukovskii, Russia; bld. 13, Lomonosov Str., Zhukovskii, Moscow region, Russia, 140180; jrhm2@bellsouth.net

УДК 342.51(73)

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-78-89

The Trump – Nixon connection: An exercise in historical memory

Erik Alfred Olsen

*University of Amsterdam, Amsterdam, the Netherlands,
e.a.olsen@uva.nl*

Abstract. This article explores the role of historical memory as applied to the presidential administration of Donald J. Trump. Specifically, I survey how the administration of Richard Nixon was used in media representations in order to make a linkage between these administrations. I discuss problems with the use of historical memory as a reliable tool for understanding present situations. Furthermore, I examine the manner in which the Trump-Nixon connection has been made from November 2016 when President Trump was elected to the period immediately after the publication of the Robert Mueller investigation into collusion between the Donald Trump presidential campaign and the Russian State. The other issue examined is the subject of presidential impeachment by Congress and how the impeachment threat to Nixon is instructive to the political and legal situation facing Trump. Finally, I conclude on the inherent problems that historians face in the context of situational bias when trying to use historical memory as an accurate tool to discuss current situations.

Keywords: historical memory, Trump, Nixon, impeachment, Congress, Russiagate, collusion, obstruction of justice, president

For citation: Olsen, E.A. (2019), “The Trump – Nixon connection: An exercise in historical memory”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*. No. 4. pp. 78-89. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-78-89

Трамп и Никсон: опыт исследования исторической памяти

Эрик Альфред Олсен

*Амстердамский университет, Амстердам, Нидерланды,
e.a.olsen@uva.nl*

Аннотация. В статье исследуется роль исторической памяти в период администрации президента США Дональда Дж. Трампа. В частности, рассматривается, как фигура Ричарда Никсона использовалась в средствах массовой информации для сравнения этих президентов. В своем анализе автор задействует историческую память как инструмент для понимания нынешней ситуации. Он исследует то, каким образом проводились аналогии между двумя президентами с ноября 2016 г., когда Трамп был избран президентом, до момента публикации результатов расследования Роберта Мюллера о возможности сговора между предвыборным штабом Дональда Трампа и Российской Федерацией. Кроме того, поднимается тема импичмента президенту, инициированного Конгрессом США, и того, насколько история угрозы импичмента Никсону полезна для понимания политической и правовой ситуации, в которой оказался Трамп. И наконец, делается вывод о том, что при попытке использовать историческую память в качестве научного инструмента для обсуждения современности историки неизбежно сталкиваются с проблемами контекстуального характера.

Ключевые слова: историческая память, Трамп, Никсон, импичмент, Конгресс, Рашагейт, сговор, препятствие правосудию, президент

Для цитирования: Olsen E.A. The Trump – Nixon connection: An exercise in historical memory // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 4. С. 78–89. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-78-89

Historical memory and how history is recorded is not the same as the actual past. Historians interpret past events, and as such there is always some bias on how that interpretation is presented. This interpretation can and often does change over time. This fluidity is dictated by present circumstances, and as circumstances alter so does the presentation and bias. When the historical memory of lay persons is accounted for, biases appear in more dramatic form. Historical memory encompasses three main areas. These is Familial Memory, Religious Memory and National Memory. In the context of how Donald Trump's presidency should be thought about in relation to past

administrations it is the third of these areas that is most relevant to this discussion.

Immediately following his election in 2016, President Donald Trump's detractors had already begun whispering a name to attach to his, "Nixon". There was a particular thirst in the major media to promote this connection. Articles carried titles such as, "Reporting from 1974 confirms: Trump and Nixon are uncannily similar"¹. This headline did not appear in some fringe publication with dubious motives, but was an article published in *The Washington Post*.

Lee Siegel writing in the *Columbia Journalism Review*, "Remembering history won't save us from Donald Trump", alludes to the comparison while arguing that the fervor to make it has become a problem. Siegel noted, "We've seen Trump compared to fascist dictators of every stripe, from ancient Roman tyrants to European dictators of the 1920s to the Latin American *caudillos*, as well as to Joseph McCarthy and Roy Cohen; Reagan; And Nixon, Nixon, Nixon"².

Francesca Polletta and Jessica Callahan noted in their article, "Deep stories, nostalgia narratives, and fake news: storytelling in the Trump era", "The fact that people often share stories as a way of building collective identity, for its part, helps to explain why stories' plausibility may be relatively unimportant to them" [Polletta, Callahan 2017, p. 393]. Therefore the point of connecting the election of Donald Trump to the legacy of Richard Nixon was to capitalize on the negative reputation of the latter in the context of the former.

In this article I will first survey a sample of Trump-Nixon articles published early in his presidency and how this link between presidencies was presented to the public. Then I will set out to examine the actual similarities and differences between the two men personally and professionally and how these factors support or detract from the general assertion that a Trumpian presidency is an emulation of Nixon's reign. Finally, this article will set out to examine the most common connection asserted or alluded to, the impeachment of a President of the United States.

¹ Rosenberg, A. (2017), "Reporting from 1974 confirms: Nixon and Trump are uncannily similar", *The Washington Post*, May 25, [Online], available at: <https://www.washingtonpost.com/news/act-four/wp/2017/05/25/trump-in-2017-or-nixon-in-1974-from-shady-charities-to-self-sabotage-who-cantell/> (Accessed 9 May 2019).

² Siegel, L. (2017), "Remembering history won't save us from Donald Trump", *Columbia Journalism Review*, May 18, [Online], available at: <https://www.cjr.org/analysis/trump-nixon-president.php> (Accessed 12 May 2019).

1. *Trump as Nixon, media comparisons*

About halfway through Donald Trump's first year in office *Vanity Fair* magazine published a collection of essays by six presidential scholars titled "How will history judge the Trump presidency?" Historian Robert Dallek, clearly no fan of Trump, broadly compared the Robert Mueller investigation about Russian interference in the 2016 election to the same troubles that plagued Richard Nixon, not too subtly alluding to a possible impeachment. Historian Garry Wills' essay, titled "The Nixon question" was even more direct in his comparison between the two presidents, writing, "Thus the default comparison has become with Richard Nixon"³. Wills further points out, "There are some superficial resemblances between Trump and Nixon. Trump, like Nixon, has bottomless reserves of self-pity. Nixon, like Trump, was contemptuous of the press. But the dynamics in their cases are entirely different"⁴.

Historian Luke Nichter in his article, "The Nixon tapes and Donald Trump" wrote,

Since President Trump's inauguration, and even before, there have been countless comparisons between the 37th [Nixon] and 45th presidents of the United States. Some comparisons make sense, while others do not... Perhaps the most important similarity between Nixon and Trump is that each trusts no one more than he trusts himself⁵.

Nichter then goes on to analyze the events surrounding the Nixon tapes and his conjecture on the possible existence of Trump tapes, which if they exist could be his undoing.

Writing for *Slate Magazine*, former director of the Nixon Library Tim Naftali's article "How Nixonian is Donald Trump?" opens with the following, "Firing the acting attorney general, threatening widespread investigations against civil servants, characterizing unfriendly press as

³ Berg, S., Dallek R., Meacham J., Morris E., Schiff S., and Wills G. (2017), "How will history judge the Trump presidency?", *Vanity Fair*, Sept. 7, [Online], available at: <https://www.vanityfair.com/news/2017/09/historians-on-trump-presidency> (Accessed 19 May 2019).

⁴ Ibid.

⁵ Nichter, L. (2017), "The Nixon tapes and Donald Trump", *OUPblog. Oxford University Press's Academic Insights for the Thinking World*, June 28, [Online], available at: <https://blog.oup.com/2017/06/nixon-tapes-donald-trump-history/> (Accessed 15 May 2019).

enemies of the state... is it any wonder that nearly 45 years later, we have Richard Nixon on the mind?"⁶ Naftali focused his attention of the personal characteristics of both men, particularly their penchant for pettiness and vindictiveness. Qualities that each man held and holds in impressive quantities.

Nixon biographer and author John Farrell writing for *VOX* noted some of the same similarities when writing, "We're barely into the Trump administration and we've had war on the press, electronic eavesdropping, a sacked attorney general, humungous demonstrations, fury over a Democratic National Committee break-in, Cold War-style skirmishes, and scandalous intrigues akin to Watergate. Sound familiar?"⁷ Despite this statement, he also noted that he approached such comparisons with both caution and restraint because despite some apparent similarities between the two presidents, there also exists some fundamental differences. Unlike Donald Trump who embraced white nationalist figures and groups, Nixon had been a supporter of 1960s civil rights legislation and according to Farrell, may have lost his 1962 bid for governor of California over his denunciation of the far-right John Birch Society. A group Nixon had remarked to President Eisenhower was among the "lunatic fringe"⁸.

Farrell opines that the comparison to cast Nixon and Trump in the same light was due to the almost singular position that the former holds in American historical memory. He writes, "Why is Nixon the go-to model for presidential misbehavior? For one thing, he is deeply embedded in our lives and culture"⁹. While Farrell was one of the earliest to preach caution on overly zealous associations between Nixon and Trump, there were others in the media who also questioned this comparison. Graham Vyse writing for *The New Republic*, "Is Trump a new Nixon? Historians can't agree", offered some conflicting perspectives on this use of historical memory. Farrell cited Nixonian biographer Rick Pearlstein whose opinion on the matter has been in much demand

⁶Naftali, T. (2017), "How Nixonian is Donald Trump", *Slate*, March 9, [Online], available at: <https://slate.com/news-and-politics/2017/03/a-nixon-scholar-compares-the-early-days-of-trumps-presidency-with-nixons.html> (Accessed 18 May 2019).

⁷Farrell, J. (2017), "A Nixon biographer explains how Trump compares", *Vox*, May 11, [Online], available at: <https://www.vox.com/the-big-idea/2017/3/9/14860664/nixon-trump-compared-farrell-biography> (Accessed 18 May 2019).

⁸Ibid.

⁹Ibid.

following the inauguration. He noted that Pearlstein was experiencing fatigue over the comparison, "...the prevalence of the Trump-Nixon comparison is making him question all such comparisons between past and present". He goes on to quote Pearlstein as saying,

I'm seeing the whole concept of the 'historical parallel' as perverse, and bearing little resemblance to actually mature understanding of the present in light of the past. People want to grasp for the familiar in confusing times, but it's often just an evasion of the evidence in front of them. People should be looking at what is happening now¹⁰.

With Pearlstein's advice in mind, let us look at both Trump and Nixon within their respective political historical contexts and see how this comparison arose and perhaps why it is not as instructive as some hope.

2. Trump and Nixon, men and politicians from two different worlds

Why then has the Nixon and Trump comparison seen so much traction in the media? The men could not have been personally more different. Nixon was from a poor but devoutly religious family with strong Quaker values with a professional history of public service. After serving in both chambers of Congress and as Vice-President, Nixon was the consummate insider. Trump by contrast was a third generation American on his father's side and first on his mothers. His call to public service only came very late in his life. Trump played on the political mood of the time by highlighting his credentials as an established businessman and an outsider to government.

Where there were some political similarities was in their pathways to election. Both Nixon and Trump helped to realign voting constituencies in their favor. Nixon used the Southern Strategy as his pathway to office. This relied on a campaign in which appeals were made to white southern voters by turning them against the Democratic Party. The purpose was to fracture the traditional support that the Democratic Party enjoyed among conservative rural and southern whites and bring those people over to the Republican ticket with racial appeals. This is where the similarities end though.

The political landscape was quite different in 2016 for Trump. Randall Stephens discusses this in his 2018 article, "Evangelicals and

¹⁰Vyse, G. (2017), "Is Trump a new Nixon? Historians can't agree", *The New Republic*, June 1, [Online], available at: <https://newrepublic.com/article/143014/trump-new-nixon-historians-cant-agree> (Accessed 11 May 2019).

Trump – lessons from the Nixon era”. Stephens noted this shift, how instead of turning disaffected southern Democrats away from their traditional party, the strategy undertaken by the Trump team was to capitalize on an unprecedented feeling that traditional Republican candidates were unsuitable, and to align with far-right conservative religious groups and nationalists. Two constituencies that felt particularly marginalized during the Obama years.

Historian Laura Ellyn Smith’s 2018 article, “How Donald Trump put an end to the GOPs Southern Strategy”, analyzed how the traditional Southern Strategy employed by Nixon’s team relied on dog whistles and assertions to garner the racist vote. This was replaced by Trump’s return to the pre-Civil Rights era politics with its more overt racism. It should be noted that for Nixon, the Southern Strategy was a means for gaining the presidency. As vice-president he was notably in favor of the *Brown v. Board of Education* decision when President Eisenhower was not. Yet for Trump, this overt racism both on the campaign trail and during his time in office is easier to understand as a natural extension of his personal views as much as a campaign strategy. Following the murder of Heather Hayer by white nationalist James Alex Fields, Jr. in Charlottesville, Virginia in 2017, President Trump told reporters at a press conference held shortly afterwards that both sides had “very fine people”¹¹. Not only was this seen at the time as an endorsement of white nationalist terrorism, but the President has not recanted his words in the years since the incident.

If it was not the men’s backgrounds or political pasts that first called forth this almost reflexive comparison, what was it? The two presidents have something much more fundamental in common, reputations for lax political morality and general corruption. With his resignation from office in the wake of the Watergate Scandal in 1974, two things have been cemented in the minds of most American citizens. First, Richard Nixon’s presidential administration was the most corrupt in the history of the modern presidency. Second, the suffix – gate would be forever linked to all manner of official scandals and corruptions. Upon his election to the Office of the President of the United States in November 2016 Donald Trump has been beset by all manner of charges relating to his legitimacy to hold the position. From its outset the Trump admin-

¹¹ Sonmez, F. and Parker, A. (2019), “As Trump stands by Charlottesville remarks, rise of white nationalist violence becomes an issue in 2020 presidential race”, *The Washington Post*. Apr. 28, [Online], available at: <https://www.washingtonpost.com/wp-srv/national/longterm/watergate/articles/102173-2.htm> (Accessed 2 May 2019).

istration was also cast as one of deep corruption. The most significant of these charges was that Donald Trump stole the election from Hillary Clinton with the help of the Russian government. This scandal has been routinely labeled as ‘Russiagate’. Historians, journalists, political scientists, politicians and those among the public have been at great pains to draw similarities between the Trump presidency in 2016 and that of Richard Nixon in 1973.

In the last portion of this article I will discuss the general topic of history in memory and the Nixon – Trump comparison. Specifically, I will focus on their relationship to impeachment and how this threat to a presidency was and is faced by both administrations.

3. The Nixon-Trump connection: The specter of impeachment

While one may expect that the link between Trump and Nixon in the context of historical memory would have eroded or mutated over the course of the former’s time in office, as of the middle of 2019, this assertion is still being made. In fact, arguably the narrative has only found renewed life following the 2019 publication of the Robert Mueller investigation into the President’s possible collusion with the Russian State.

In his work “The case for impeachment”, Allan Lichtman recalled how he had first predicted the electoral success of Trump. Since the election Lichtman had been predicting that Donald J. Trump would face impeachment. He based his opinion on Trump’s “past and proven behavior” [Lichtman 2018, p. 5] stating, “History is not geometry and historical parallels are never exact, yet a president who seems to have learned nothing from history is abusing and violating the public trust and setting the stage for a myriad of impeachable offenses that could get him removed from office” [Lichtman 2018, p. 5].

3a. The Richard Nixon case. Despite how some remember Nixon, specifically regarding his departure from the presidency, he was never in fact impeached. After losing too much support in Congress and when the possibility of both impeachment and conviction seemed assured, Nixon resigned from office on 9 August 1974. What led to that day in August 1974? It is widely regarded that it was Nixon’s connection to the break-in of the Democratic Party Headquarters located in the Watergate Hotel in Washington, D.C. that served as the catalyst for his resignation.

In his work, “Impeachment: An American history”, Naftali suggested that it was not the Watergate break-in that did in the President. Instead it was how he managed the investigation and attempted to cover it up. Naftali noted, “Law enforcement and the judiciary had evidence of Nixon’s criminal behavior eight months before he left office, and yet there was no predictable way to ensure his removal” [Engel, Meacham, Naftali, and Baker 2018, loc. 2396]. Naftali cited the Saturday Night Massacre as the tipping point leading to the end of the president’s hopes of remaining in office.

The so-called Saturday Night Massacre took place on 20 October 1973 after Special Prosecutor investigating the Watergate break-ins, Archibald Cox, had subpoenaed the secret Oval Office tapes that Nixon made of his conversations with visitors. Cox demanded that Nixon turn over these tapes. Instead, Nixon ordered the prosecutor to be fired. As a result, first Nixon’s Attorney General Elliot Richardson resigned, then the Assistant Attorney General William Ruckelshaus resigned after him. Only after ordering the third person in charge of the Justice Department, Robert Bork, was Cox terminated. It became an untenable political embarrassment for Nixon. This very public mutiny along with the firing of Cox had cemented a downward negative opinion of Nixon in the minds of the general public.

When the end came for Nixon’s presidency he was already into his second term of office. Ironically, the Watergate caper was not even necessary for the President, Nixon had won his 1972 reelection campaign by a landslide...

3b. Russiagate and the Trump presidency. Donald Trump was elected in 2016 to his first and very contested term in office by nothing at all resembling a ‘landslide’. In fact, from the very first day following the election, rumors began to fly around the media and public that Trump had stolen the election, and it was the Russians who helped him do it. As with Nixon before him, it appears that it may be obstruction of justice that brings trouble to Trump and not the actual activity being obstructed.

Russiagate has found considerable traction in the halls of government. Special Prosecutor Robert Mueller recently concluded his investigation and his report was only released to the public a few weeks ago. It is far too soon to understand what the implications of that report are for the President, but there is already some question if Trump had engaged in obstruction and a coverup regarding his own investigation. Much like with Nixon before him, it may not be the event but the possible coverup of the investigation that does in Trump.

And like with Nixon's Saturday Night Massacre, Trump had his own embarrassing firing at the Justice Department. This was the termination of FBI Director James Comey as reported on 9 May 2017 in *The New York Times*¹². In some people's opinion Comey played a key role in the election of Trump by giving testimony to Congress regarding Hillary Clinton's email investigation just days before the 2016 election. John Cassidy writing for *The New Yorker* called the incident, "James Comey's October surprise", a remark which touched upon the event that historians cite as the leading reason incumbent President Jimmy Carter lost to Ronald Reagan in 1980¹³. If this did not prove his preference for Trump, it certainly was proof that Comey was not prejudiced against him.

However, it was due to Trump's displeasure with Comey and his handling of the FBI's Russiagate investigation that he was finally terminated by the President on 9 May 2017. According to Comey himself in later interviews, he was pressured by Trump to let go of some aspects of the investigation into the affairs of Trump's National Security Advisor Michael Flynn. As reported in *The New York Times*, Comey was able to back this version of events up by producing a memo he had authored at the time of the events¹⁴. In later interviews Comey went so far as to comment that Trump's actions could constitute the type of obstruction of justice charges that had threatened a successful impeachment and conviction of Nixon several decades before¹⁵. He went on to add that if Trump were not a sitting President, he would likely have been charged already.

¹²Shear M., and Apuzzo, M. (2017), "F.B.I. Director James Comey is fired by Trump", *The New York Times*, May 9, [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2017/05/09/us/politics/james-comey-fired-fbi.html> (Accessed 9 May 2019).

¹³Cassidy, J. (2017), "James Comey's October surprise", *The New Yorker*. June 19, [Online], available at: <https://www.newyorker.com/news/john-cassidy/james-comeys-october-surprise> (Accessed 21 May 2019).

¹⁴Schmidt, M. (2017), "Comey Memo says Trump asked him to end Flynn investigation", *The New York Times*, May 16, [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2017/05/16/us/politics/james-comey-trump-flynn-russia-investigation.html> (Accessed 11 May 2019).

¹⁵Daniels, J. (2019), "James Comey says Trump firing him was 'potentially obstruction of justice' ", *CNBC*, March 27, [Online], available at: <https://www.cbc.com/2019/03/27/james-comey-views-his-firing-as-potentially-obstruction-of-justice.html> (Accessed 13 May 2019).

John Farrell, Darren Samuelsohn, Stephen Kinzer, and Cynthia Barnett writing recently for *Politico*, “Nixon almost survived Watergate. Does Mueller have a smoking gun on Trump?”, listed the many reasons why Donald Trump should not be in office. However, the authors also noted that none of that matters, adding, “...unless the Mueller report contains a smoking gun – and we already know it does not recommend any further indictments – one can see why House Speaker Nancy Pelosi recently labeled calls for impeachment a distraction”¹⁶.

Conclusion

When people are tempted to draw comparisons between Donald J. Trump and Richard Nixon, it is almost without exception a comparison that involves the question of impeachment. Such comparisons look less closely at facts such as Nixon’s escape from impeachment, and more to the fact that his impeachment was all but assured had he decided to be forced from office. Therefore, while not in fact, Nixon was *defacto* impeached, at least for the purposes of this historical memory narrative. Moreover, this comparison carries the strong implication that Trump will face a similar fate as his predecessor. Much of this is due to the public perception that Nixon was the most corrupt president of the 20th century, as much as in the minds of his critics at least Trump is shaping up to take that title in the 21st century.

As evidence of the flexible quality of historical memory exercises people are already looking to new comparisons for conceptualizing Donald Trump following the publication of the Mueller Report. Historian Jasmin Bath’s article for *The Washington Post* titled, “How the Mueller Report could end the Trump presidency without impeachment”, discusses Donald Trump’s political problems in the context of those of James Buchanan in 1860... We can examine that theory another time.

¹⁶Farrell, J., Samuelsohn, D., Kinzer, S., and Barnett, C. (2019), “Nixon almost survived Watergate. Does Mueller have a smoking gun on Trump?”, *POLITICO Magazine*, March 24, [Online], available at: <https://www.politico.com/magazine/story/2019/03/24/nixon-watergate-mueller-trump-226109> (Accessed 10 May 2019).

References

- Engel, J.A., Meacham, J., Naftali, T.J., and Baker, P. (2018), *Impeachment: An American history*. Modern Library, New York, Kindle Edition.
- Lichtman, A.J. (2018), *The case for impeachment*, William Collins, London.
- Polletta, F. and Callahan, J. (2017), “Deep stories, nostalgia narratives, and fake news: Storytelling in the Trump era”, *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 5, no. 3, pp. 392-408, [Online], available at: <https://doi.org/10.1057/s41290-017-0037-7> (Assessed 11 May).

Information about the author

Erik A. Olsen, Cand.of Sci. (History), University of Amsterdam, Amsterdam, the Netherlands; bld. 134, Spuistraat, Amsterdam, the Netherlands, 1012 VB; e.a.olsen@uva.nl

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 327.3

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-90-101

Мировоззренческие основы построения устойчивого миропорядка после холодной войны

Владимир Ф. Пряхин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, pryakhin2010@mail.ru*

Аннотация. С окончанием холодной войны в 1991 г. возросли ожидания относительно построения демократического мира и реализации модели устойчивого развития международного сообщества.

Однако спустя четверть века ситуация представляется худшей, чем она была в период жесткой «биполярности» 1960–1970-х гг. Причина этого – отсутствие ценностных основ совместных действий с опорой на общий духовно-нравственный потенциал различных наций и социальных слоев. Такие основы могут быть сформированы только посредством верного осмысления всех социально-экономических и гуманитарных аспектов информационно-коммуникационной революции.

Центральным звеном предлагаемой автором модели такого осмысления является положение русских космистов (К.Э. Циолковский и др.) о религии как фольклорной концепции научно-технического прогресса. Реализация данного положения начинается на качественно новом этапе мегаистории (Big History) после окончания холодной войны. На этом этапе ставится вопрос об изменении самого *Homo sapiens* как материального носителя разума, что чревато самоуничтожением человечества. Осознание этой опасности предполагает прекращение политического противоборства различных силовых центров и формирование новых форм демократического глобального управления для противостояния современным вызовам и угрозам.

Ключевые слова: глобализация, глобальные проблемы, проблема чело- века, идеология, мировоззрение, русский космизм, религия, наука

© Пряхин В.Ф., 2019

Для цитирования: Пряхин В.Ф. Мировоззренческие основы построения устойчивого миропорядка после холодной войны // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 4. С. 90–101. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-90-101

Building a sustainable world order after the Cold War. The ideological foundations

Vladimir F. Pryakhin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
pryakhin2010@mail.ru*

Abstract. With the end of the Cold War in 1991, expectations increased regarding the construction of a democratic world pattern and the implementation of the sustainable development model of the international community.

In reality, the situation a quarter of a century after the end of the Cold War seems to be worse than it was during the period of tough “bipolarity” in the 60s – 70s of the 20th century. The reason for this is the lack of value bases of joint actions based on the common spiritual and moral potential of various nations and social strata. Such foundations can be formed only through the correct understanding of all socio-economic and humanitarian aspects of the information and communication revolution.

The author presents the model of such an evaluation based on the pivotal idea of Russian cosmists (K. Tsiolkovsky and others) who interpreted the religion as a folkloric concept of scientific and technological progress. The implementation of this provision begins at a qualitatively new stage of the Big History started after the end of the Cold War. At this stage, the question arises of changing Homo sapiens itself as a material carrier of the Mind. The risks associated with this change can imply the self-destruction of the humankind. Evaluation of this danger means an end to the political confrontation of various power centers and the formation of new forms of democratic global governance to counter new challenges and threats.

Keywords: globalization, global problems, human problem, ideology, world outlook, Russian cosmism, religion, science

For citation: Pryakhin, V.F. (2019) “Building a sustainable world order after the Cold War. The ideological foundations”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 90-101. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-90-101

Введение

Окончание холодной войны сопровождалось всплеском ожиданий коренных перемен к лучшему в формировании демократического мироустройства и реализации модели устойчивого развития.

Спустя четверть века после подписания Парижской хартии для новой Европы, возвестившей миру торжество нового политического мышления как идеологической основы построения миропорядка, приходится констатировать, что на смену старой холодной войне пришло еще более жесткое противостояние государств и возникновение новых еще более опасных вызовов, угрожающих самому существованию человечества. Если в начале 90-х гг. XX в. стрелка на часах Судного дня ученых-ядерщиков Чикагского университета была отодвинута от роковой полуночи на 17 минут, то в 2019 г. этот интервал сократился до исторического минимума 1953 г. в две минуты. Причем, как отметил генеральный секретарь ООН А. Гутерриш, новая холодная война опаснее «старой», потому что нет больше механизмов, которые в прошлом помогали контролировать риск эскалации¹. Таким образом, приходится констатировать кардинальный откат в процессе формирования демократического мироустройства по классической схеме «шаг вперед – два шага назад». В чем причина этого регресса?

Научно-техническая революция XXI в. и особенности современного мироустройства после холодной войны

Как представляется, на сегодняшний день в прикладной политике, науке о международных отношениях и политологии, отсутствует адекватное понимание и теоретическое толкование воздействия технологического прогресса XX–XXI вв. на сферу общественных отношений и самого человека как биологический вид. В обобщенном виде современный этап истории принято называть «четвертой промышленной революцией», приравнивая тем самым технологии на базе искусственного интеллекта к паровым двигателям, электромоторам и электронно-вычислительным машинам первого поколения.

¹ Генсек ООН о новой холодной войне: механизмов контроля больше нет [Электронный ресурс] // REGNUM. 2018. 13 апр. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2404049.html> (дата обращения 22 июля 2019).

Между тем НБИК-конвергенция² – беспрецедентный качественный скачок в эволюции самого человека как средства материи познать самой себя и возникновении в ближайшем будущем нового материального носителя разума вместо человека. Как таковой этот скачок выходит за пределы понимания и осмысления человеком, воспитанным сугубо на потребительском мировоззрении.

Данный процесс сопровождается драматическим ускорением во всех проявлениях жизнедеятельности человека, глобализацией и возникновением глобальных проблем, чреватых самоуничтожением человечества. Прежде всего речь идет об угрозе ядерной войны. Принято считать, что ядерное оружие является фактором сдерживания, а не средством реальных военных действий. Этим объясняется, в частности, то, что глобального столкновения удастся избежать вот уже три четверти века. Но насыщение современной военной и гражданской техносферы сложнейшими автоматизированными системами управления все более и более делает человека заложником этих систем. Авария на Чернобыльской АЭС показала, что последствия сбоев в их работе могут иметь катастрофический характер.

Мировоззренческие аспекты научно-технической революции XXI в.

Отсутствие мировоззренческого осмысления последствий научно-технической революции является специфической особенностью периода после холодной войны. Более того, на его начальном этапе «деидеологизация» была возведена в ранг директивных установок во внешней и внутренней политике России. Это объяснялось тем, что под идеологией на заключительном этапе существования СССР подавляющее большинство представителей политического класса и людей с улицы понимали лживую внешнеполитическую пропаганду, в центре которой находился пресловутый тезис о «третьем этапе общего кризиса капитализма».

Однако отказ от идеологических клише «развитого социализма» сопровождался отрицанием необходимости верного идеологи-

² НБИК-конвергенция (NBIC-конвергенция) – гипотетическое ядро 6-го технологического уклада, основанное на объединении и синергетическом усилении достижений нано-, био-, информационных и когнитивных технологий. Результатом НБИК-конвергенции будет являться полное слияние этих технологий в единую научно-технологическую область знания.

ческого обеспечения политики как таковой и зачастую отрицанием самой идеологии как объективной реальности в духовной жизни общества. «Тогда были отброшены все идеологические штампы прежней эпохи. Но, к сожалению, тогда же были утрачены и многие нравственные ориентиры. Мы в известном смысле вместе с грязной водой и ребенка выплеснули»³.

Неадекватности «нового политического мышления» 1990-х гг.

В период перестройки была предпринята попытка внедрения в сознание людей так называемого нового политического мышления, в основу которого был положен, по существу, верный тезис об общности судеб человечества и людей как «пассажиров космического корабля “Земля”».

Эта концепция, однако, достаточно быстро оказалась несостоятельной, так как неоконсервативные круги США и НАТО однозначно восприняли окончание холодной войны не как глобальную победу демократии, а как ординарную военно-политическую победу Запада над Востоком. Из этого общего толкования последовали практические политические шаги в контексте применения «двойных стандартов» к правам человека, в частности, по отношению к русскоязычному населению бывших союзных республик СССР, а также очевидное стремление к превращению новой России в своеобразное «картофельное поле» мировой экономики при доминировании в ней высокотехнологичных экономик западных стран.

То же самое произошло и с концепцией электоральной демократии и либеральных ценностей, навязывавшихся России. В их основе лежит принцип свободной рыночной экономики. Но свободная рыночная экономика есть не что иное, как применение биологических принципов естественного отбора по отношению к экономическим интересам суверенных государств. На практике это означает, что развитые в экономическом отношении государства сохраняют монополию на высокие технологии (hightech), а «мировая периферия» остается на уровне «банановых республик». Нежелание российской политической элиты смириться с этим ста-

³ *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному собранию, 12 декабря 2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения 22 июля 2019).

тусом породило прагматическую концепцию суверенной демократии, соответствующей главной политической цели современной России – созданию наукоемкой высокопередельной экономики.

Таким образом, к началу XXI в. международное сообщество оказалось без интегральной мировоззренческой базы, целостного целеполагания на пути к будущему, о котором мало кто имел системное представление, а также без конструктивной рациональной идеологии. Между тем идеология – необходимая детерминанта общественного развития. По выражению В. Гюго, «ни одна армия не может противостоять силе идеи, время которой пришло»⁴. Идеология есть система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности⁵. Подобно энергии, она не исчезает и не возникает вновь, но существует всегда, преобразуясь в различные формы в методологической парадигме между экстремальными понятиями суперконсумеризма и фанатическими идеократическими схемами.

Феномен «деидеологизации» продолжает определять общественное сознание развитых стран Европы и Америки. Под его прикрытием это сознание определяется детерминантами консумеризма и суперконсумеризма, которые ведут к моральному кризису и депопуляции. В отличие от этих стран в России поставлена задача «формирования ценностных основ совместных действий с опорой на общий духовно-нравственный потенциал основных мировых религий, а также на такие принципы и понятия, как стремление к миру и справедливости, достоинство, свобода, ответственность, честность, милосердие и трудолюбие»⁶. Но какова «начинка» этих основ и пути реализации поставленной задачи? Ниже дается авторское представление о возможном ответе на эти вопросы.

⁴Свод житейской мудрости [Электронный ресурс] // Информационный портал международной неправительственной организации “**Wisdom Code International**”. URL: <http://www.wisdomcode.info/ru/quotes/authors/49179.html?page=3> (дата обращения 22 июля 2019).

⁵Большой энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия; Санкт-Петербург: Норинт, 1997. С. 434.

⁶Концепция внешней политики Российской Федерации. П. 19 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения 22 июля 2019).

Основные черты идеологии глобализирующегося мира

В мировой истории было немало авторов гуманистических политико-философских систем, стремившихся к формированию гармоничного мироустройства. Показательным примером такой системы может служить остров Утопия Т. Мора, который в свое время был провозглашен родоначальником коммунизма, а после окончания первой холодной войны удостоен Папой Римским статуса небесного покровителя всех политиков и политологов.

Недостатком всех этих систем была их оторванность от политической реальности, которая определяется не красивыми философскими формулами, а конкретными действиями миллионов людей, чьими побудительными мотивами служат простые мемы, доступные их пониманию и соответствующие их чаяниям.

Идеальным набором таких мемов в течение тысячелетий служили десять заповедей Иисуса Христа – перечень условий для реализации главных подспудных желаний каждого человека – бессмертия и воскрешения. В целом схожие сакральные понятия содержатся и в собраниях канонов других мировых религий – ислама, иудаизма, буддизма, синтоизма, конфуцианства, бахаизма и др. Все эти идеологические течения преследовали одну цель – формирование национальных государств. Отсюда и религиозные войны типа крестовых походов, и расколы внутри самих религий и конфессий. Попытки формирования единой мировой религии также имели место, но не увенчались успехом. Больше всего продвинулись на этом поприще адепты бахаизма, однако их влияние отнюдь не глобальное.

Между тем распространение достижений научно-технического прогресса в XX в. положило начало общему кризису всех мировых религий, т. к. была поколеблена вера в реальность материальных субстратов сакральных понятий бессмертия и воскрешения. Как говорил персонаж В. Гюго, «бессмертие человека вилами на воде писано, все эти царствия небесные – чепуха, а бог – чудовищный вздор»⁷.

Дело в том, что все религиозные толкования мира так или иначе имели какие-то материальные обоснования – от блаженных душ Тертуллиана, перелетающих с одного небесного светила на другое, до облаков, на которых восседают святые. Не случайно Юрию Гагарину было поручено сказать из космоса «Бога нет!» Мир содрогнулся, когда СССР осенью 1961 г. взорвал на Новой земле в испытательных целях водородную бомбу мощностью

⁷ Гюго В. Отверженные. М.: Эксмо, 2011. С. 23.

в 57 мегатонн, и всю Европу залило радиоактивными дождями. Человек реально осознал, что он сам посредством своих рукотворных изделий может уничтожить все живое на Земле. Тем самым была подорвана вера в основы традиционных религиозных верований, хотя принято считать, что это сделали большевики. На сегодняшний день в Великобритании, где не было власти большевиков, более половины подданных Ее Величества не причисляют себя к последователям какой бы то ни было религии. Новый премьер-министр некогда самой католической страны Испании отказался в 2018 г. принимать присягу на Библии. Повсеместно в Европе сотнями закрываются, продаются и разрушаются храмы⁸.

При этом нас не должен обманывать псевдоренессанс других религиозных конфессий, в частности на Востоке. На пространстве, где до сих пор 800 млн человек не умеют читать и писать, это всего лишь проявление эксплуатации религиозных верований бедняков стремящимися к мировому господству нефтедолларовыми миллиардерами.

Одновременно человечество столкнулось с самой главной глобальной проблемой современности – деградацией нравственных устоев: рушится институт семьи, растет число наркоманов, культ денег заменят некогда сакральные понятия патриотизма, самопожертвования, любви к ближнему, свободного творчества.

При этом формальный атеизм отнюдь не заменяет веры, а служит лишь прикрытием поисков новой веры или церковной реформации. Согласно данным социологических опросов, приводимым доцентом Московского городского педагогического университета А.В. Ткаченко, подавляющее большинство (76%) опрошенных московских студентов при отрицании официальной религии «все же признали, что, пусть и сомневаясь в существовании Бога, они во что-то верят» [Ткаченко 2012, с. 99].

Значит, потребность в вере естественна для человека. Однако во что может верить современный человек, что может возбудить в нем стремление к самопожертвованию во имя ближнего, веру в смысл бытия, в собственное продолжение после завершения земного жизненного пути? Достаточно полный системный ответ на эти вопросы дан родоначальниками умонастроения русского космизма, в част-

⁸ *Позняк О.* Европа избавляется от церквей: Христианские храмы сносят, продают на рынке недвижимости или передают иноверцам [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2017. 19 апр. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2017-04-19/13_419_europ.html (дата обращения 22 июля 2019).

ности К.Э. Циолковским, толковавшим религию как фольклорную концепцию научно-технического прогресса. «Мы должны признать за ней (религией. – В. П.) право на существование», – говорил он в беседе с А.Л. Чижевским в 1932 г., – ибо нельзя многие миллионы людей признать полоумными или просто глупцами! Над этими общепринятыми во всех религиях символами (душа, потусторонний мир, рай, ад. – В. П.) надо глубоко поработать, полнее расшифровать их с космической точки зрения» [Циолковский 1986, с. 424].

НБИК-конвергенция позволяет совершить такую расшифровку сакральных понятий – бессмертия как искусственного увеличения видовой продолжительности жизни, воскрешения – как построения антропоидентичных бионических моделей «преждеживших»⁹ по имеющейся информации об их жизненном пути. В течение длительного времени без научного ответа оставался вопрос, заданный популяризатору космистского учения Л.Н. Толстому московскими психологами: где будут жить эти миллиарды бессмертных и воскрешенных людей? Автор настоящей статьи видит ответ в создании третьей сигнальной системы общения между людьми. Такая система предполагает, по мнению основателя крупнейшей социальной сети современности М. Цукерберга, прямое общение между индивидами посредством современных коммуникационных технологий¹⁰. При этом рано или поздно произойдет накопление всей информации, находящейся в сознании людей, в одной точке, в одном индивиде, эмоциональной концепцией которого как раз и является сакральная дефиниция Бога. Произойдет «схлопывание» человечества.

В мегаисторическом контексте логично предположить, что вся наша цивилизация является не чем иным, как продолжением эво-

⁹Преждежившие – термин, употребленный Ф.М. Достоевским в письме Н.П. Петерсону от 24 марта (по ст. стилю) 1878 г. Опубликовано: Н.Ф. Федоров: Pro et Contra: Антология: к 175-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Н.Ф. Федорова. Кн. 1. Санкт-Петербург: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2004. С. 95. В этом письме Ф.М. Достоевский пишет, в частности, что мысли Н.Ф. Федорова «прочел как бы за свои».

¹⁰*Dewey C. Mark Zuckerberg says the future of communication is telepathy. Here's how that would actually work [Электронный ресурс] // The Washington Post. 2015. July 1. URL: https://www.washingtonpost.com/news/the-intersect/wp/2015/07/01/mark-zuckerberg-says-the-future-of-communication-is-telepathy-heres-how-that-would-actually-work/?noredirect=on&utm_term=.67052d76a3b9 (дата обращения 22 июля 2019).*

люции Разума, завершившего предыдущий этап своего развития 13,8 млрд лет назад первовзрывом, в котором было запрограммировано ее создание. И не следует ли нам самим заблаговременно подумать о том, как обеспечить себе продолжение в пространстве/времени новым первовзрывом, за которым последует наше повторение (реинкарнация) на новой качественной основе.

Возможно, кое-кому такая перспектива покажется пессимистичной, но она вселяет надежду на продолжение, дает толкование смысла разумной жизни и уж во всяком случае представляется позитивной альтернативой глобальному самоуничтожению под бременем глобальных проблем.

При толковании идей К.Э. Циолковского как соответствующих целям мировоззрения эпохи глобализации важно также отметить, что «русский космизм» – явление интернациональное, и его, скорее, можно называть российском пластом мирового культурно-исторического наследия, т. к. в разные исторические эпохи и в разных странах «космистские» идеи высказывались многими учеными, деятелями культуры, священнослужителями. К их числу относятся Аристотель, И. Гёте, П. Тейяр де Шарден, Дж. Руми, Дж. Дана, К. Ясперс, Дж. Неру, Чэнь Ю, М. Шелли, Мирза Хусейн Али Нури и другие.

В современную эпоху наиболее точное и пафосное толкование синтеза научной рациональности и религиозной духовности содержится в многочисленных высказываниях А. Эйнштейна. Чувство «космической религиозности», как называл его великий мыслитель и ученый, очень трудно объяснить тому, кто его совершенно лишен. Религиозные гении всех эпох, по его мнению, были отмечены именно таким чувством, не знающим ни догматов, ни Бога в человеческом образе, не требующем церкви, утверждающей их учения. Пробудить это чувство и хранить его в тех, кто к нему восприимчив, А. Эйнштейн считал «важнейшей задачей искусства и науки» [Calaprice 2011, p. 329].

Каковы возможности для практической реализации мировоззрения устойчивого развития, основанного на синтезе задач прикладной науки и сакральных понятий? Поиски ответа на этот вопрос начнем с констатации того факта, что одним из действительно массовых проявлений духовности в России является общественное движение «Бессмертный полк». Миллионы людей совершенно добровольно выходят на улицы, чтобы почтить память своих родственников, участвовавших в Великой Отечественной войне. Но что если материализовать этот массовый пафос в компьютерных информационных моделях прежде живших героев? Отечественным ученым А.С. Мартыновым предложен проект формирования

«цифровых саморазвивающихся образов» [Мартынов 2002], в основе которого идея компьютерного цифрового моделирования личности человека. Пока подобные эксперименты осуществляются в основном в медицине на живых людях. Но в эпоху НБИК-конвергенции вполне допустимо предположить, что технологии такого эвристического моделирования можно применить и для восстановления образов прежде живших людей по имеющейся информации об их биографии, характере и отдельных поступках. Приведенная в определенную систему информация и даст совокупность тех индивидуальных особенностей, привычек, навыков и пережитого жизненного опыта, которая приблизит нас к тому, что на языке сакральных понятий называется душой. Конечно, все это звучит пока достаточно фантастично, но интереснее и полезнее использовать современные технологии на основе искусственного интеллекта для реализации такого рода «фантастических» проектов, чем на миниатюризацию термоядерных боезарядов.

Заключение

Новая холодная война отличается от старой тем, что она разворачивается в системе международных отношений с де-факто многополюсной структурой и несколькими главными акторами, соотношение сил между которыми динамически меняется, что определяет трудно прогнозируемую сейчас систему возможных союзнических отношений и внеблоковых сетевых альянсов. Хотя оружие массового уничтожения продолжает играть лишь сдерживающую роль и, как и в случае с первой холодной войной, все действующие на сегодняшний день акторы исключают его применение, режим нераспространения расшатывается и нельзя исключать получение доступа к этому оружию отдельных государств, а также экстремистских политических группировок. В сочетании с целым рядом других глобальных проблем, а также непредсказуемыми угрозами техногенных катастроф эта ситуация в обозримом будущем чревата общим коллапсом и цивилизационной деградацией.

Для противостояния этой угрозе необходимо сплочение здоровых сил международного сообщества с опорой на общий духовно-нравственный потенциал различных наций и социальных слоев, содержащийся в культурно-историческом наследии всех народов мира и во всех религиях. В философском направлении русского космизма предполагается синтез религиозного пафоса и рационального научного подхода к решению проблем выживания. Исторический процесс идет в направлении практической реализации гумани-

тических принципов космизма в мировоззрении человечества. Но одновременно ускоряются темпы реализации деструктивных тенденций мирового развития. От того, какой из этих процессов будет динамичнее, зависит будущее земной цивилизации.

Литература

- Мартынов 2002 – *Мартынов А.С.* “Self-developed digital image” [Электронный ресурс] // сайт Института инновационного проектирования. URL: <http://rus.triz-guide.com/1689.html> (дата обращения 23 июля 2019).
- Ткаченко 2012 – *Ткаченко А.В.* Итсизм как основная форма религиозных представлений современной молодежи // Системная психология и социология. 2012. № 6. С. 97–107.
- Циолковский 1986 – *Циолковский К.Э.* Грезы о Земле и небе. Тула: Приокское книжное изд-во, 1986. 448 с.
- Calaprice 2011 – *The ultimate quotable Einstein* / Ed. by A. Calaprice. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2011. 578 p.

References

- Calaprice, A., ed. (2011), *The ultimate quotable Einstein*, Princeton University Press, Princeton and Oxford.
- Martynov, A.S. (2002), “Self-developed digital image”, *Institute of Innovative Design website* [Online], available at: <http://rus.triz-guide.com/1689.html> (Accessed 23 July 2019).
- Tkachenko, A.V. (2012), “Ietsisme as main form of contemporary youth’ religious mentality”, *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya*, 2012, no. 6, pp. 97–107.
- Tsilokovskii, K. (1986), *Grezy o Zemle i nebe* [Dreams of Earth and sky], Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, Tula, Russia.

Информация об авторе

Пряхин В.Ф., доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; pryakhin2010@mail.ru

Information about the author

Vladimir F. Pryakhin, Dr. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; pryakhin2010@mail.ru

УДК 316.462

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-102-110

Власть и нравственность:
«Кто будет сторожить сторожей?» –
уроки П. Сорокина для современности

Марина Б. Буланова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, marina_bulanova@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы политики, власти и нравственности, интерес к которым был постоянным на протяжении всей научной жизни известного социолога П.А. Сорокина. Эта проблематика разрабатывалась как в российский, так и в американский период его деятельности.

В своем исследовании «Власть и нравственность: кто должен сторожить стражей?» П. Сорокин пытался ответить на вопрос, что мешает правителям иметь такие моральные качества, которые способствуют реализации прав миллионов простых людей на свободу и стремление к лучшей жизни. По его мнению, это три идеологии, допускающие моральные просчеты властей предрежащих: безоговорочное восхваление правителей; одобрение правителей с точки зрения двойных стандартов; осуждение правителей, позволяющее оправдать их преступное поведение.

Весьма актуально звучат предостережения знаменитого социолога о том, что властолюбие главы государства сковывает творчество масс, а культ личности унижает миллионы людей; демократии могут быть такими же воинственными и неуживчивыми, как и автократические режимы; развитие науки и техники дает человеку огромные преимущества, но не гарантирует спасение мира от социальных бедствий.

Ключевые слова: политика, власть, нравственность, П.А. Сорокин

Для цитирования: Буланова М.Б. Власть и нравственность: «Кто будет сторожить сторожей?» – уроки П. Сорокина для современности // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 4. С. 102–110. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-102-110

© Буланова М.Б., 2019

Power and morality: Lessons of P. Sorokin for the present

Marina B. Bulanova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
marina_bulanova@inbox.ru*

Abstract. The article discusses the problems of politics, power and morality, interest in which was constant throughout the scientific life of the famous sociologist P.A. Sorokin. This issue was developed both in the Russian and American periods of the scientist's creative activity.

In the study "Power and Morality: Who shall guard the guardians?" P. Sorokin tried to answer the question of what prevents rulers from having such moral qualities that contribute to the realization of the rights of millions of ordinary people to freedom and the pursuit of a better life. According to this, the three ideologies that allow the moral failings unconditional praise of the rulers; approval of rulers in terms of double standards; condemnation of rulers to justify their criminal conduct.

The following warnings by the famous sociologist are very relevant. The love of power of the head of state fetters the creativity of the masses, and the cult of personality humiliates millions of people. Democracies can be as belligerent and non-living as autocratic regimes. The development of science and technology gives man enormous advantages, but does not guarantee the salvation of the world from social disasters.

Keywords: politics, power, morality, P.A. Sorokin

For citation: Bulanova, M.B. (2019), "Power and morality: Lessons of P. Sorokin for the present". *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 102–110. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-102-110

Введение

Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) принадлежит к редким мыслителям, основные нравственные убеждения которого сформировались достаточно рано, сопрягаясь с научной и политической деятельностью. Вся его дальнейшая жизнь складывалась в этой непростой дихотомии (наука и политическая борьба) на фоне взаимодействия с властью и противостояния ей. Характерно, что каждый раз, когда Сорокин «уходил» от науки, он попадал в оппозицию к власти, совершая непростой нравственный выбор.

*Власть и нравственность
в жизни П.А. Сорокина*

Можно выделить несколько периодов, когда проблемы взаимоотношения власти и нравственности оказали прямое влияние на принятие П. Сорокиным судьбоносных решений.

Один из них относится к событиям февраля и октября 1917 г. П. Сорокин откладывает планы защиты магистерской диссертации. Вся его энергия отдана революции: он принимает участие в работе по созыву Всероссийского крестьянского съезда; выступает на митингах в поддержку блока эсеров и социал-демократов на выборах в Государственную думу; пишет публицистические статьи в газетах, объясняя читателям суть происходящего в России.

Ответом новой власти на такую бурную политическую и публицистическую деятельность был арест П.А. Сорокина в начале 1918 г. по ложному доносу об участии в покушении на жизнь В.И. Ленина. Социолога приговорили к расстрелу. Вспоминая годы «красного террора», он назвал этот период «жизнь в смерти». Власть, позиционирующая себя как народная, в лице своего вождя Владимира Ильича Ульянова (Ленина) определила, что «новая нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата... выводится из интересов классовой борьбы пролетариата... служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов»¹. Этой трактовкой нравственности были оправданы гонения и расстрелы тех, кто признан (властью!) врагом народа.

Остается только догадываться, что же побудило П. Сорокина 29 октября 2018 г. написать открытое письмо в газету Северо-Двинского губисполкома «Крестьянские и рабочие думы», в котором он заявил о том, что отказывается от политической деятельности. Как отметил социолог, время, прошедшее после Октябрьской революции, позволило ему убедиться в том, что политика может быть и полезной, и вредной для общества, но работа в области науки и просвещения всегда полезна для народа. В.И. Ленин ответил статьей «Ценные признания Питирима Сорокина», в которой воспользовался, по его словам, этим «ценным человеческим документом», чтобы нанести серьезный нравственный удар по тем

¹ Ленин В.И. Задачи Союзов молодежи: Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г. [Электронный ресурс] // Библиотека газеты «Революция». URL: http://revolucia.ru/lenin_komsomol_41_298.html (дата обращения 5 сент. 2019).

представителям буржуазной интеллигенции, которые были сознательно враждебны советской власти². После такого демарша со стороны В.И. Ленина П. Сорокин, уже проживая за границей, долго пожинал плоды «политической и интеллектуальной блокады» за сотрудничество с большевиками.

На самом деле благодаря письму П. Сорокин не только сохранил жизнь, но и получил возможность в короткий промежуток с 1918 по 1922 г. продвинуться в деле институционализации социологии и социологического образования. В этот период ему удается организовать летние курсы для школьных преподавателей социологии; он руководит отделением социологии на факультете общественных наук (ФОН) Петроградского университета; готовит общественную защиту труда «Система социологии», по результатам которой признается достойным звания профессора.

Однако период лояльности советской власти по отношению к деятельности ученого довольно быстро заканчивается. В начале 1922 г. очередной конфликт с властью произошел в связи с тем, что социолог, организовав специальные учебно-научные экспедиции, стал изучать причины массового голода в стране и подготовил рукопись книги «Голод как фактор». Попав под первым номером в список представителей интеллигенции, подлежащих аресту в Петрограде, Сорокин понимает, что второго шанса выжить у него не будет. 23 сентября 1922 г. Пителим Александрович Сорокин и его жена Елена Петровна Баратынская навсегда покидают Россию.

Интересен еще один эпизод, наглядно показавший грани нравственности новой власти по отношению к высылаемой интеллигенции, – разговор П. Сорокина с Г. Пятаковым³, который приводится в автобиографии ученого. На вопрос друга студенческих лет, верит ли он в строительство коммунистического общества, Г. Пятаков отвечает, что, конечно, нет. «Тогда зачем же высылают нас?» – спрашивает Сорокин. И следует ответ: «В России идут два процесса: один – восстановление буржуазного общества; другой – приспособление советского правительства к этому обществу. Причем, первый процесс протекает быстрее, чем второй. Наша цель – затормозить развитие первого процесса, вот почему вас (буржуазную интеллигенцию. – М. Б.) выдворяют за границу» [Сорокин 1991, с. 144].

² Ленин В.И. Ценные признания Пителима Сорокина [Электронный ресурс]. URL: <http://libelli.ru/works/37-11.htm> (дата обращения 5 сент. 2019).

³ Георгий Леонидович Пятаков (1890–1937) – советский государственный деятель, товарищ П.А. Сорокина по учебе на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета.

Покинув страну, П. Сорокин уезжает сначала в Европу, но затем в 1924 г., по приглашению университетов Висконсина, Иллинойса и Миннесоты, отправляется в США с лекциями о ситуации в России. С этого момента начинается американский период его жизни и научной деятельности.

*«Власть и нравственность:
кто должен сторожить стражей?»*

Деятельность П. Сорокина в Университете Миннесоты с 1924 г., а затем с 1934 г. – в Гарвардском университете подарила ему верных учеников и последователей. В соавторстве с одним из них – Уолтером Ланденом⁴ – ученый издал одну из последних своих работ в области исследования интересующих его проблем политики, власти и нравственности – «Власть и нравственность: кто должен сторожить стражей?» (1959). Вопрос о том, почему соавтором был выбран именно Ланден, остается открытым. Однако можно предположить, что этому способствовала совместная учебная и научная деятельность ученых в университетах Миннесоты и Гарварда. Как минимум две работы У. Ландена могли заинтересовать П. Сорокина при написании книги: «Статистика по преступности и преступникам. Справочник первичных данных» [Lunden 1942] и «Суды и уголовное правосудие в Айове» [Lunden 1957].

Еще до выхода «Власти и нравственности» П.А. Сорокин провел в Гарвардском исследовательском центре по изучению творческого альтруизма множество исследований проблем нравственности и альтруизма, политики и морали, ценность которых до сих пор недостаточно понята и востребована современными социологами.

Судьба совместного труда П. Сорокина и У. Ландена сложилась непросто. Год его издания был насыщен политическими событиями⁵.

⁴ Уолтер Альбин Ланден (1899–1990) – доктор философии, профессор социологии, ученик, а впоследствии коллега П.А. Сорокина по работе в университетах Миннесоты и Гарварда. Автор более чем 50 научных трудов по криминологии и девиантному поведению личности. Член Американского общества криминологии, Американской социологической ассоциации, Международного социологического общества чести – Альфа Капша Дельта.

⁵ События 1959 г. [Электронный ресурс] // ХРОНОС: всемирная история в Интернете. URL: http://hrono.ru/1959_.php (дата обращения 15 сент. 2019).

Кубинская революция и Тибетское восстание наглядно продемонстрировали, что народ намерен бороться за свою свободу и достойную жизнь. При этом противостояние двух ядерных держав (США и СССР) в рамках холодной войны грозило человечеству страшными бедствиями. Вышедшая в этой сложной международной обстановке книга содержала спасительный рецепт преодоления противоречий между странами и народами, поэтому первым делом П. Сорокин выслал экземпляры с дарственными надписями президенту США Д. Эйзенхауэру и Генеральному секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву, надеясь на отклик. Каково же было его удивление, когда в ответ ему пришли только благодарственные письма, свидетельствовавшие о том, что книга была получена, но не прочитана.

Что касается российского читателя, то он до сих пор не имеет возможности познакомиться с этой стороной творческого наследия П. Сорокина. Имеется только перевод небольшой части книги, сделанный В.Н. Шикаловым. Однако и этот отрывок дает представление о том, какие серьезные проблемы поднимает известный социолог.

Задумывая свое исследование, П. Сорокин пытался ответить на вопрос, что же мешает властям предрержащим помочь миллионам простых граждан достичь свободы и счастья. По его мнению, это три типа идеологий, допускающих моральные просчеты властей предрержащих: безоговорочное восхваление правителей; одобрение правителей с точки зрения двойных стандартов; двойная мораль, позволяющая оправдывать преступное поведение правителей [Sorokin, Lunden 1959].

Первый тип идеологий – безоговорочное восхваление правителей. В книге подчеркивается тот факт, что многие люди считают глав государств защитниками справедливости и законов. В таком, на первый взгляд, безобидном восхвалении кроется ложное убеждение в том, что нравственность правящей элиты непогрешима.

Второй тип идеологий – одобрение правителей с точки зрения двойных стандартов. Согласно данным теориям, поступки правящей элиты должны оцениваться с позиции особой морали – политической, не имеющей отношения к тому кодексу нравственности, которым руководствуются обычные люди. На деле это приводит к релятивизму моральных норм и законов во всем обществе.

Третий тип идеологий – осуждение правителей, позволяющее оправдать их преступное поведение. Это идеологии, которые подмечают, что правители, имея власть в полном своем распоряжении, получают своеобразный моральный мандат на оправдание всех своих действий. На практике это приводит к безнаказанности правителей, провоцируя их на новые преступления.

В книге убедительно доказывается, что противозаконная деятельность правящих групп часто остается безнаказанной. Чем больше власти у правящей элиты, тем меньше она поддается контролю со стороны народа и тем менее значимыми становятся для нее интересы и жизнь простого человека.

Заключение. Уроки П. Сорокина человечеству

В своей книге «Власть и нравственность», а также других произведениях П. Сорокин настойчиво поднимал тему взаимоотношения политики и морали, оставив потомкам идеи, важные для всего человечества.

Во время встречи в 1962 г. А.С. Феклисов⁶ рассказал П.А. Сорокину о том, что в Советском Союзе покончено с культом личности руководителей. На это известный социолог ответил, что корни данного явления кроются в природе человека и проявляются с древнейших времен. Властолюбие главы государства сковывает творчество масс, а культ личности унижает миллионы людей [Феклисов 2016, с. 329].

Однако, по его мнению, ставка на демократические политические преобразования общества чаще всего не оправдывает возложенные на них ожидания мира и согласия. Ученый утверждал, что демократии могут быть такими же воинственными и неуживчивыми, как и автократические режимы [Сорокин 2012].

П. Сорокин также предупреждал человечество об опасности переоценки роли разума, его преимущественного развития по отношению к душам людей. Развитие науки и техники дает человеку огромные преимущества, но не гарантирует спасение мира от социальных бедствий. Наоборот, некоторые достижения науки (например, открытие атомной энергии) могут быть использованы не только на пользу, но и во вред человечеству. Да и образование человека само по себе не освобождает его от нравственной ответственности. Гений и злодейство вполне совместимы в современном мире.

Для П. Сорокина было очевидно, что в политике недооценивается значение альтруизма как инструмента регулирования международных отношений. Для того чтобы укрепить отношения

⁶Феклисов Александр Семенович (1914–2007) – полковник, кандидат исторических наук, советский разведчик, Герой Российской Федерации (1996). Встречался с П.А. Сорокиным в 1942, 1962 и 1963 гг.

между народами и странами, необходимо усилить проявления бескорыстной любви как на межличностном уровне, так и на уровне цивилизации.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Российская социология на изломе эпох (1917–1937): от социологического анализа социальных проблем периода Русской революции 1917 года к сохранению российских исследовательских академических традиций в Европе и Америке» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-011-01168 А.

Acknowledgements

This article was part of the grant “Russian Sociology at the Turn of the Ages (1917–1937): from a sociological analysis of social problems of the Russian Revolution of 1917 to the preservation of Russian research academic traditions in Europe and America” of the Russian Foundation for Basic Research, grant no. 18-011-01168 A.

Литература

- Сорокин 1991 – *Сорокин П.* Долгий путь. Сыктывкар: Союз журналистов Коми ССР, 1991. 304 с.
- Сорокин 2012 – *Сорокин П.А.* Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2012. 336 с.
- Феклисов 2016 – *Феклисов А.* Признание разведчика. М.: Аргамак-Медиа, 2016. 368 с.
- Sorokin, Lunden 1959 – *Sorokin P.A., Lunden W.A.* Power and morality: Who shall guard the guardians? Boston, MA: Porter Sargent Publishers, 1959. 204 p.
- Lunden 1942 – *Lunden W.A.* Statistics on crime and criminals. A handbook of primary data. Pittsburgh: Stevenson and Foster, 1942. 263 p.
- Lunden 1957 – *Lunden W.A.* The courts and criminal justice in Iowa. Ames, Iowa: Iowa State College, 1957. 133 p.

References

- Sorokin, P.A. (1991), *Dolgii put'* [The long way], Union of Journalists of the Komi SSR, Syktyvkar, USSR.
- Sorokin, P.A. (2012), *Chelovek i obshchestvo v usloviyakh bedstvi. Vliyaniye voyny, revolyutsii, goloda, epidemii na intellekt i povedeniye cheloveka, sotsial'nuyu organizatsiyu i kul'turnuyu zhizn'* [Man and society in a disaster. The impact of war, revolution, hunger, epidemics on human intelligence and behavior, social organization and cultural life], Mir Publishing House, St. Petersburg, Russia.
- Feklisov, A. (2016), *Priznanie razvedchika* [Recognition of a scout], Argamak-Media, Moscow, Russia.
- Sorokin, P.A., Lunden, W.A. (1959), *Power and morality: Who shall guard the guardians?* Porter Sargent Publishers, Boston, MA.
- Lunden, W.A. (1942), *Statistics on crime and criminals. A handbook of primary data*, Stevenson and Foster, Pittsburgh.
- Lunden, W.A. (1957), *The courts and criminal justice in Iowa*. Iowa State College, Ames, Iowa.

Информация об авторе

Марина Б. Буланова, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; marina_bulanova@inbox.ru

Information about the author

Marina B. Bulanova, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; marina_bulanova@inbox.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 20.12.2019.

Формат 60×90 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 5,8.

Тираж 1050 экз. Заказ № 758

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rggu.ru

www.knigirggu.ru